

Леонид Подольский

Эксперимент

Леонид Подольский
Эксперимент (сборник)

«Автор»

2012

Подольский Л.

Эксперимент (сборник) / Л. Подольский — «Автор», 2012

Эта книга – роман, две повести и несколько рассказов — о России. В книге отражены две очень разные и в то же время похожие эпохи, преломлённые творческим взглядом автора: критическим, острым, нередко саркастическим. Это взгляд человека неравнодушного, много видевшего и размышляющего о жизни. В данной книге публикуются произведения, написанные в 2010 году, а также несколько рассказов периода перестройки.

© Подольский Л., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Предисловие	5
Эксперимент	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Леонид Подольский

Эксперимент

Сборник

Предисловие

Эта книга – роман, две повести и несколько рассказов – о России. В книге отражены две очень разные и в то же время похожие эпохи, преломлённые творческим взглядом автора: критическим, острым, нередко саркастическим. Это взгляд человека неравнодушного, много видевшего и размышляющего о жизни. Стиль автора меняется в зависимости от изображаемого предмета – от чистого, прозрачного в рассказе «Воспоминание», повествующем о юношеской влюблённости, до остро-саркастического в романе «Эксперимент» и в повести «Потоп». Но при этом везде сохраняет присущие ему базовые черты: живость слова, объёмность изображения, философичность, юмор, переходящий в злую сатиру. Недаром автор пробовал себя и в чисто сатирическом жанре, о чём свидетельствуют «Сатирические рассказы из другой жизни». Словом, в книге в изобилии присутствует то, что можно назвать «веществом литературы».

Сатирический роман «Эксперимент», публиковавшийся в журнале «Москва» № 6 за 2011 год – о современной политической системе. Он точен и злободневен, в нём множество примет и реальных деталей нынешнего и только что прошедшего, перетекшего в наше, время. Все настолько узнаваемо, что становится ясно: мы все находимся внутри этого жестокого эксперимента, это над нами экспериментируют... Повесть «Потоп», написанная почти за четверть века до «Эксперимента» – притча; по стечению исторических обстоятельств и приверженности писателя к социально-исторической теме она тоже об эксперименте, только в другую эпоху. Об эксперименте, который стоил России миллионов жертв... По существу о том же и повесть «Лида», хотя формально она только о судьбе простой русской женщины в наше время.

Эта книга – россыпь историй, пропущенных через чуткое писательское сердце и склонный к анализу и обобщениям ум. Это – настоящая литература.

Андрей Щербак-Жуков

Эксперимент (роман)

После разговора с заместителем главы администрации президента губернатор Садальский возвращался в область совершенно подавленным. На самом верху с подачи этого зам. главы решили поэкспериментировать, причём всего лишь над одной, губернатору Садальскому доверенной областью. Со слов зам. главы решение об эксперименте окончательное, в ближайшие недели Госдума должна принять соответствующий закон, но кто решал, почему и зачем, кто – за, а кто – против, этого губернатор не знал. Зам. главы ограничился неясными намёками, и от этого Садальский пребывал в полном смятении. Голова шла кругом от странных инициатив, решительно противоречивших всему прежнему губернаторскому опыту. Ощущение было такое – катастрофа, и она приключилась именно с ним, Садальским. Моментами губернатору хотелось ущипнуть себя за щёку и проснуться, забыть о случившемся как о дурном сне, выпить водки, но он тут же вспоминал – катастрофа. Катастрофа, катастрофа, катастрофа...

С тех пор как в моду вошла книга Зюскинда «Парфюмер», зам. главы администрации заглазно стали величать Парфюмером, но чаще – Ювелиром, а ещё чаще – Алхимиком. Подобно средневековому магу, этот придворный Макиавелли вечно искал философский камень: смешивал, разбавлял, соединял, разделял, стравливал, окроплял святой водой разные партийки и организации, занимался искусственным партстроительством, или тончайшими интригами. Естественно, на деньги налогоплательщиков. Иногда, увлечённый работой – не хватало только средневековой мантии, – зам. главы скромно величал себя политическим генетиком; но, бывало, охваченный воодушевлением и грандиозными планами, сам сравнивал себя с ювелиром, выращивающим в пробирке искусственные бриллианты. Работа его действительно отличалась тонкостью и изяществом, мало кто мог бы с ним сравниться в искусстве разнообразных политических комбинаций. Хотя, как всякий алхимик, зам. главы администрации нередко страдал от избыточной фантазии. Соответственно, из его рук не раз и не два выходило вовсе не то, что было первоначально задумано. Случалось, проекты Алхимика заканчивались скандалами, но значительно чаще – успехом, иногда даже триумфом, если подразумевать под триумфом сегодняшнюю победу, не думая о её последствиях. На сей раз политический гроссмейстер, хитрый, как евнух в султанском гареме, выдвинул идею столь же неожиданную, сколь и оригинальную – в отдельно взятой депрессивной области из недавнего красного пояса выстроить модель демократии, непорочной, как Святая Дева, с губернаторскими выборами, с полной свободой СМИ, митингов и демонстраций, с развитым самоуправлением, с соблюдением всех прав человека. В чём был замысел Алхимика – соорудить громоотвод или обманчивую витрину, проверить непорочную модель в борьбе с коррупцией, было ли в задуманном нечто тайное, недоступное обычному уму или хитроумная интрига, верил ли сам Алхимик в свою утопию, – этого губернатор Садальский не знал, да и не мог знать (всего-то знали, получалось, человека четыре, не больше), зато зам. главы администрации подробно объяснил губернатору, что область может извлечь из эксперимента массу материальных приобретений. Правда, почему для эксперимента была избрана именно вверенная Садальскому область – не ради же каких-то гипотетических выгод и не для того, чтобы осчастливить губернатора, – этого начальник области так и не понял. Да и не до того ему было. Первое, что Садальский осознал: предстоят губернаторские выборы. Это было предательство. Несколько лет назад обещали, что их не будет. Губернатор и вёл себя соответственно, не очень считаясь с электоратом.

Закон об эксперименте ещё предстояло принять Госдуме, но зам. главы рекомендовал законодателей не ждать, безотлагательно готовиться к выборам и спешно внедрять эту самую непорочную демократию. Да, именно так и сказал: «внедрять непорочную демократию». Будто

какое-то машинное доение. Что могло означать это слово: «непорочную»? Неясную ассоциацию с Девой Марией, оговорку по Фрейду, как позже скажет Эдуард (сам губернатор никакого Фрейда не знал), или что-то ещё, например, тихую, управляемую, суверенную, послушную. Губернатор вообще засомневался, произносил ли этот чёртов Парфюмер, он же Алхимик, такое слово. Получалось, что он, губернатор, сходит с ума. Всё – бред, и непорочная демократия – бред, и у зам. главы – бред, и он, губернатор, тоже бредит. Типичная белая горячка. Впрочем, пока не так важно было, что такое эта непорочная демократия и с чем её едят; всему своё время. Пока же Садальскому казалось важным знать, почему именно в его области. За что такая напасть? Но ещё важнее казалось: начнут действовать без всякой бумаги, как приказывал зам. главы, область зашевелится, оппозиция, дерьмократы всякие, – тьфу, поднимут голову, набегут отовсюду, как тараканы, а там – отменяют, передумают. Вот тогда – срам.

– Одно счастье, – мрачно рассуждал губернатор, – никто ещё ничего не знает, и, значит, есть немного времени подумать и подготовиться. Хотя к чему готовиться? «Единой России», может, и вправду ничего не нужно, никаких лишних бюллетеней. Во-первых, что значит для них одна область, а во-вторых, в Москве, как в терему, сидит у них бородатый кнопочник, сам нажимает на клавиши и сам же считает. Зачем им какие-то жалкие бюллетени, вбрасывания, открепления, детские игры?.. Модернизация, нанотехнологии. А вот ему, Садальскому... У них в области всё по старинке. Провинция. Ещё недавно – красный пояс... Первым делом надо проверить рейтинг. Хотя, что с рейтингом неблагополучно, губернатор почти не сомневался. Главное, побыстрее настроить областную автоматизированную систему «Выборы». Важно не то, как будут голосовать, важнее, как станут считать...

Вообще получалось, что в Москве ничего как следует не продумали и не согласовали. Опыт Горбачёва их ничему не научил. В самом деле, с одной стороны, Алхимик запретил вбрасывать бюллетени, а с другой – губернатор сам единоросс и несёт перед партией персональную ответственность. Никто не отменял партийное задание – получить не меньше шестидесяти процентов. Не выполнишь – партбилет на стол, как в прежнее время, а можешь и вовсе остаться без губернаторства. Дальше – ещё хуже. Свобода демонстраций. С местными лимонщиками милиция как-нибудь справится. Их всего-то человек тридцать на всю область. Да и из тех половина учится или на заработках в Москве. А ну как прослышат про эксперимент и съедутся из всех дыр. Что тогда? Или скинхеды. До сих пор они не очень беспокоили местную администрацию, ну, убили год назад одного нелегального вьетнамца. Милиция с ними вполне договаривалась. Как бы негласный договор о ненападении и даже о тайном сочувствии. Всё-таки наши дети. А сейчас, как прослышат, отобьются от рук. Хуже того, оппозиция. Геннадий Михайлович в последние годы, когда демократов вроде бы выперли из политики – лишь в столицах слегка попискивали, – стал дышать свободнее, богател сам, помогал детям и не слишком беспокоился о рейтинге. Он знал, что народ его недолюбливает. Ну и что! Любило бы начальство. Та же администрация.

У народа и у администрации очень разные критерии. А сейчас набегут отставные оппозиционеры со всей страны. Все, кому не хватило тёплых мест, кому перекрыли кислород. Такая возможность побузить, поругать власть, поговорить о свободе и демократии, покопаться в грязном белье. Сметут ведь любого губернатора. Может, вообще не о демократии речь, не об эксперименте, а его, губернатора, решили подставить перед президентом. Или вообще убрать. Такая хитроумная интрига. Кто это придумал? Алхимик? Или кто-то другой? А зачем? Кому он мешал? Не лез в большую политику. Не высовывался. Брал, но довольно скромно, по-провинциальному. Не больше других, это точно. Да и могли ведь снять тихо. Зачем кому-то нужен скандал, выборы? Может, тут что-то замешано с коррупцией? Прямо какой-то неронов комплекс. Выпороть публично, устроить пожар... Или самоуправление... История с Соловьем... Не отсюда ли удар? Вряд ли, невелика пташка.

Чем дольше губернатор думал, тем сильнее терялся в догадках и тем больше ему представлялось пагубных последствий эксперимента. Те же СМИ. Конечно, местная телерадиокомпания и областная газета учреждены администрацией. Районная пресса тоже под контролем. К тому же генеральный директор телерадиокомпании с Сададьским дважды однопартиец – сначала в КПСС, а теперь в «Единой России», вместе начинали карьеру в комсомоле. И всё же. Тимпанов – тёмный человек, непонятный, ненадёжный. В перестройку был сначала ортодоксом, как и сам, впрочем, Геннадий Михайлович, входил в марксистскую платформу¹, в ОФТ², но потом, когда начался парад суверенитетов, перебежал к демократам. Призывал устроить среднерусскую республику, печатать свои деньги. Тоже мне Россель³. К тому же, хоть сейчас виду не показывает, на Сададьского до сих пор в обиде, это точно. Метил в вице-губернаторы, но Сададьский его не взял. С редактором «Правды» ещё хуже. Этот мрачный, завистливый человек так и остался коммунистом, даже перейдя в единороссы. В своё время, как Селезнёв⁴, хотел приватизировать газету и набить карманы, даже предлагал отступное Сададьскому, но губернатор не позволил – не хотел сам себе создавать оппозицию. Вот за это Чесноков и ненавидит Сададьского. Молчит, ждёт. Нет, здесь ни на кого нельзя положиться. Пока ты в силе – друзья, ослабеешь – загрызут. Ждут, когда выгодней предать. Кроме тех, кто повязан мёртво. Тот же прокурор... Без дружбы с прокурором трудно выиграть выборы. Однако совсем недавно в области прокурора заменили. Вместо прежнего, Василия Ивановича, дружбана ещё с комсомола, с которым много было переговорено и выпито, много общих дел сделано, прислали нового, молодого, непонятного. Сидит тихо, а что в душе – не подступишься. Трезвенник. Губернатор Сададьский этой заменой был, конечно, жутко раздосадован, особенно, что с ним не посоветовались, как всегда было принято, – под него копали, суки, – но сопротивляться не стал. Знал, бесполезно. Сил не было. Вертикаль. Он ведь не питерский, всего лишь назначенный губернатор из старых. Не выбранный, как раньше, народом, легитимный, а – назначенный по милости, торчащий винт в этой самой вертикали. Не губернатор, а шестёрка московская. К тому же приходилось признать: возраст. Он устал, в нём не было прежней энергии, прежней волчьей хватки. Обложили со всех сторон. Не оттого ли назначили эксперимент именно в его области? Беззубый волк не опасен. Если что, выбросят...

...Много чего передумал губернатор Сададьский за несколько часов дороги из Москвы – сначала в самолёте, потом на «лексусе» из аэропорта мимо кривых подслеповатых домишек с дедовской деревянной резьбой, со старухами и редкими стариками на скамейках, торговавшими только что собранными ягодами, яблоками и картошкой. Обычно в таких случаях губернатор всегда выходил из машины, здоровался, делал покупки, общался с народом, «поднимал хилый рейтинг», как острили недоброжелатели, но на сей раз он не велел останавливать машину. Вместо этого губернатор в очередной раз мучительно перебирал в памяти десятки обстоятельств и всё больше приходил к неутешительному выводу: зам. главы администрации президента выдумал что-то совсем не то, он прожектёр и мечтатель, слишком азартный игрок, алхимик, вообразил Россию Европой, а его, губернатора, подставил под эксперимент. Что-то обязательно должно случиться. Народ, да что народ – народ всё больше привык копать в грядах, тут дело не в народе; но и администрация ко всем этим новшествам не готова. Ни чиновники, ни милиция. Никто. Не наше это всё. Россия, что хотят они от России? Сколько ни

¹ Марксистская платформа в КПСС – в годы перестройки, когда произошёл фактический раскол партии на отдельные платформы, марксистская платформа выступила с антиперестроечных ортодоксальных позиций.

² ОФТ – объединённый фронт трудящихся, организация коммунистического охранительного толка, выступала с антиперестроечных ортодоксальных позиций.

³ Эдуард Россель – долгое время губернатор Свердловской области. В начале 90-х, когда апогея достигли противоречия между областями и республиками в РФ по поводу степени суверенитета и перечислений в федеральный бюджет, выдвинул идею создания Уральской республики.

⁴ Геннадий Селезнёв – долгое время спикер Госдумы от КПРФ, в бытность главным редактором «Комсомольской правды» участвовал в приватизации газеты и в продаже её иностранному издателю.

трать сил, сколько ни передвигай русло, поток тут же возвращается назад, в пробитое веками, старое и привычное. Люди приходят и уходят, вожди, цари, бояре, а русло всё то же. Авторитаризм. Патриархальность. Народу нужен крепкий хозяин. Губернатор с расстройства даже подумал было уйти, пусть разбираются без него, сами, а он – устал, ему не нужна никакая демократия – ни показушная, ни непорочная, ни даже суверенная. Никакая. Не нужны ему статьи в газетах, ни про него, ни про старшего сына. Губернатор совсем разнервничался. Лишь подъезжая к дому, к своему дворцу-крепости, хлебнув с полстакана коньяка из фляжки, которую всегда возил с собой, Садальский слегка успокоился, решил – дело надо спустить на тормозах, аккуратно; главное, информацию цедить по каплям, постепенно. Если нельзя избежать перемен, реформы надо делать медленно и келейно. Незаметно. Строить эту демократию так, чтобы люди лишнего не знали. Имитировать. Будто строим, а на самом деле нет.

Вечером, оттянувшись по полной программе с водочкой, под лёгким градусом, губернатор сидел в семейном кругу – собственно, дети уже давно вылетели из гнезда, старший сын здесь же, в области, занимался бизнесом, строительно-водочный магнат, не без поддержки отца, конечно; младший – на государственной службе, не обижен; дочь замужем за крупным московским чиновником, ныне членом совфеда от области, так что при губернаторе оставалась одна пышнотелая супруга, напоминавшая по формам жён покойных генсеков, с необъятными грудями, с пышными чреслами и массивным животом – и пересказывал свой разговор с зам. главы президентской администрации. От водки и плотного ужина настроение у губернатора существенно поднялось, он был почти весел, не видел всё, как раньше, только в чёрном свете и даже пытался фантазировать. Фантазировать он научился давно, ещё в комсомольской юности – от совещания к совещанию и от конференции к конференции, бросаясь лозунгами, рапортами и обещаниями, ещё больше на междусобойчиках, пошучивая, однако довольно осторожно, строго в меру (везде были уши) над единственно верным, – и сейчас, особенно под градусом, это доставляло ему удовольствие. Ради выпивок в узком кругу губернатор пристрастился ездить на охоту – пострелять дичь, а потом за царским ужином потравить разные истории и анекдоты. Говорили, что на охоте подвыпившему и весёлому губернатору удобней всего было подsunуть на подпись любую бумагу. Приближённые бизнесмены даже платили за это губернаторской свите по заведённой таксе. Впрочем, местные олигархи нередко и сами устраивали для губернатора пышную охоту или рыбалку. В данный же момент, приятно расслабившись, губернатор Садальский сидел перед женой на диване и рассказывал о визите к Алхимику. К тому же повеселевший губернатор пытался использовать супругу как подопытную мышку – проверить на ней свой разыгравшийся юмор, как он будет воспринят окружением. Завтра Садальскому предстояло произнести речь на малом совете. Твёрдо решив не распространять лишних сведений о предстоящем развитии демократических институтов во вверенной ему области, губернатор собирал только самых доверенных товарищей: двух своих молчаливых заместителей, помощника и несколько министров – финансов, строительства, сельского хозяйства, промышленности и СМИ. С последним губернатор был дружен ещё с советских времён и с глазу на глаз или в дружеском кругу величал его Геббельсом. Тот не обижался. Он и в самом деле был речист, изобретателен, циничен до крайности, умел из любой мухи сделать слона, а из слона – муху. К тому же отлично держал в руках журналистскую братию. Генеральный директор областной телерадиокомпании Тимпанов и редактор местной «Правды» Чесноков оба с ним были близкими приятелями. Правда, в отличие от Геббельса-первого, безгранично и слепо преданного фюреру, своего Геббельса губернатор втайне побаивался. Садальский был человек недоверчивый от природы и ещё больше от опыта общения с людьми, сам был когда-то сексотом и потому полагал – вполне возможно, не без основания, – что в самый ответственный момент его Геббельс, по имени Виктор Филиппович, может предать без всякого зазрения совести.

Итак, расслабившись, слегка заплетающимся языком губернатор рассказывал жене:

– Представляешь, какие планы травит мне Алхимик. У вас, говорит, устроим что-то вроде игровой зоны, ну, такое казино. Только вместо карт демократия. Митинги, демонстрации, «Россия без Путина», всё пожалуйста. Иди – не хочу. Ну почему, говорит, всё в Москве и в Москве, лесбиянки там, всякие гомики, правозащитники, да хоть национал-большевики. За что Лужкову такая привилегия? Надо по всей стране развивать гражданское общество. Теперь будут к вам ездить. Чтоб провинция не хуже столицы. Чуешь, говорит, какая вам от этого польза. Ну, я, словно пень, хлопаю глазами. А он объясняет. Лимонов с Каспаровым со своей гвардией, за ними корреспонденты – им жить где-то нужно, пить, есть, вот вам и малый бизнес. Коммуникации, интернет, рестораны, кафе, отели. Развернёте, «Сапсан» пустим. А за Каспаровым с Лимоновым – туристы. Опять же, говорит, вы Каспарова как следует раскрутите. По-хорошему. Сити-чесс. Устройте международный турнир. Представляешь, говорит, не просто свободная зона, где всё воруют, а зона Свободы. Так и сказал, с большой буквы. Иностранцы обязательно поедут, ну, там, разные наблюдатели, ОБСЕ, политологи, социологи, международные организации, журналоги, может, даже откроют университет. И сами не плошайте, Гайд-парк сделайте, как в Лондоне. В общем, давайте разворачивайтесь в духе модернизации. Может, третью столицу у вас сделаем – российской демократии и свободы. Первая – это финансовые потоки, чиновники, бюрократия, казнокрадство; вторая – имперская, кадровая, сам понимаешь – питерские; а ваша – демократии. Ну, тут я не выдержал, – выдал очередной, только родившийся экспромт губернатор, – говорю: «Столицу российской свободы лучше бы где-нибудь в Сибири, да хоть в Магаданской области. Нам-то зачем?» А этот смотрит на меня, красавчик, усмехнулся, потрепал по плечу. «Ну, ты с юмором у нас, губернатор, очень это нужное качество в нашем деле... В общем, крутитесь... Чтоб у вас были настоящие...» – Тут у Сададьского случился конфуз. – Фу, никак не вспомню, как он назвал. Ну, давай подсказывай, ты же пединститут закончила.

– Да что подсказывать? – не поняла жена, давно уже опасливо смотревшая на губернатора. Из долгого опыта совместной жизни она знала, что такие вот приступы бурной весёлости на грани и фантазирования могут закончиться скандально.

– Ну что? Ты же знаешь, я книг не читал. Некогда было. Только Маркса – Ленина, и то в основном по конспектам. Фильм такой, помнишь... Шахматной доской по голове – и давай дёру. Гайдай не Гайдай... не помню. Прорабатывали его в ЦК, фильмы на полку... В общем, то ли гроссмейстер такой, то ли прохиндей, не помню...

– Остап Бендер?

– Может, и Остап Бендер. А город-то какой?

– Не знаю, – вздохнула жена, – я что, всё обязана помнить?

– Так ты бы узнала у знакомых или в Интернете, – поручил губернатор.

Супруга, тяжело вздыхая, принялась звонить знакомым, осторожно расспрашивать, чтобы, не дай бог, не подвести губернатора. Когда она наконец выяснила, что речь идёт, скорее всего, про Нью-Васюки, и вернулась в гостиную, губернатора там уже не было. Супруга обнаружила его в спальне. Губернатор, не раздеваясь, свалился поперёк кровати и спал как младенец, громко посапывая носом.

– Слава богу, – тихо произнесла губернаторская супруга с немалым облегчением и с минуту раздумывала, не осенить ли себя крестом, но не решилась и вышла, стараясь не шуметь.

На следующий день на малом Совете губернатор, стеклянно трезвый и оттого мрачный, докладывал сподвижникам обстановку.

– В общем, так: область попала под эксперимент, – сурово говорил Сададьский. – Решили нас осчастливить. Внедрить демократию в чистом виде. Везде, значит, суверенная, а у нас непо-

рочная. Митинги, демонстрации, свобода прессы, выборы губернатора, честный суд, за «Единую Россию» никаких лишних бюллетеней. Ни-ни.

Садальский обвёл подчинённых тяжёлым, немигающим взглядом воспалённых глаз. Соратники понуро молчали и несколько странно поглядывали на губернатора, словно тайно сомневались в его умственном здоровье. Будь они посмелее, пожалуй, даже стали бы крутить пальцем у виска.

– Да что вы так смотрите? – взорвался губернатор. Он хотел им бросить «крысы», но не посмел. Видя подавленное настроение ближайших к нему людей, Садальский даже не решился рассказать им вчерашний анекдот, с которым упражнялся на жене. Это зам. главы администрации президента разрешено шутить про Нью-Васюки демократии, а не какому-то провинциальному губернатору. Ну да... что можно Юпитеру... Он, значит, Юпитер, этот Алхимик, а губернатор – бык... – Я ничего не выдумал, а если голова едет, так не больше, чем у вас. Сумасшедшего не здесь искать надо.

Министры, заместители и помощник переглянулись.

– Беда, – сказал один из замов, почти губернаторского возраста, Пётр Иванович, уже начавший потихоньку собираться на пенсию. – За что такая напасть? За какие грехи?

– Да не надо причитать, – зло оборвал его губернатор Садальский. – Надо не причитать, а искать выход.

– Геннадий Михайлович, – робко обратился к губернатору другой зам, помоложе и поактивнее, Виктор Иванович, – вы ведь в курсе, что в декабре предстоят выборы в органы местного самоуправления и в Госдуму. И что депутаты решили совместить их с выборами в областное собрание. Чтобы, значит, одним махом. Это, конечно, можно переиграть, но...

– Что «но»? Говорите прямо, Виктор Иванович, – опять сорвался губернатор.

– На когда велели назначить выборы губернатора?

– Не позже декабря, – усмехнулся Садальский. – А чего тянуть? Победа или смерть! – вдруг выкрикнул он лозунг кубинской революции. – Но пасаран!

– Это хорошо, что на декабрь, – спокойно заговорил Геббельс, единственный из всех, кажется, не испугавшийся за своё место и не потерявший голову, – у нас достаточно времени. Другие кандидаты просто не успеют раскрутиться. Главное, держать в секрете... Если что, им можно устроить такую круговерть, такой конкурс, что вспомнят, где раки зимуют.

– Это точно, – поддержал помощник губернатора, – мочить их, гадов, надо. В туалете, – добавил помощник с присущей ему интеллигентностью.

Главное, – словно не слыша придурковатого помощника, – продолжал Виктор Филиппович, он же Геббельс, – надо пригласить хорошего политтехнолога из Москвы. Возьмёт не очень дорого. Они сейчас сидят практически без работы. Вот несколько лет назад, когда игрались в демократию, это было золотое дно.

Ни у кого из присутствующих, кроме Геббельса, никаких идей не было, все сидели молча, подавленные. А потому малый Совет вскоре закрыли, решив пригласить в срочном порядке политтехнолога из Москвы и держать всё в полном секрете.

Несколько дней спустя перед губернатором Садальским сидел московский политтехнолог. Это верный Геббельс заключил договор со столичной фирмой «Макиавелли Н.». Фирма ещё недавно была широко известна и востребована на президентских, губернаторских и всяких прочих выборах, но в последние годы в связи с переходом к системе назначения губернаторов и отменой выборов по одномандатным округам была несколько подзабыта и редко упоминалась в печати. К тому же новый профиль деятельности фирмы – консультирование, лоббизм, составление сценариев поддержки пророссийских деятелей и сил в СНГ, а также практическая реализация межкорпоративных конфликтов, вплоть до рейдерства, – вовсе не требовал гласности. Впрочем, губернатора Садальского мало интересовало, чем занимается фирма «Макиа-

велли Н.». Он лишь отметил про себя, что, вопреки слухам об отсутствии у политтехнологов работы, этот столичный экземпляр, Эдуард, выглядел настоящим денди – элитная причёска от личного парикмахера, умопомрачительный тонкий запах духов, часы ролекс, по прикидке губернатора тянущие чуть ли не на миллион баксов, светлый костюм в полоску от Армани. Губернатор, отнюдь не ценитель – он всю жизнь пропахал на комсомольской, партийной, хозяйственной и губернаторской работе и знал совсем другие запахи – хлева, водки, коньяка, чеснока, пота, сигарет, – был своевременно предупреждён разомлевшей секретаршей Розой. Перед этим денди Геннадий Михайлович даже почувствовал себя скованно и неловко в своём слишком плотном, насквозь пропотевшем, с коротковатыми брючинами костюме.

«Вот ведь демократия, – совсем не к месту подумал губернатор, – её ещё нет и в помине, одна видимость, а уже хочется быть лучше».

Эдуард, политтехнолог, между тем, пожав потную руку губернатора и обворожительно улыбаясь, сразу приступил к делу.

– Что же вы, Геннадий Михайлович, раньше о рейтинге не думали?

– Так ведь эти выборы будто снег на голову. Думал – номенклатура, а тут эксперимент, – стал оправдываться губернатор. – А что, совсем плохо?

– Рейтинг – девять процентов. Для сравнения, у Бориса Николаевича, если помните, факт широко известный, весной девяносто шестого было шесть. И ничего, выиграли. Кстати, как у вас с председателем облизбиркома? Надеюсь, в кармане.

– Неплохой мужик. Тоже наш бывший партиец, – сообщил губернатор, не уточнив, в какой именно партии состоял председатель облизбиркома. – Только одна беда. Москвы сильно боится. Всё ездит в администрацию.

– Москва нам не помеха, – заверил Эдуард, записывая что-то в свой ноутбук. – Отныне до конца избирательной компании мы будем регулярно с вами встречаться. Вот увидите, к выборам вы сами себя не узнаете, станете совсем другим человеком. Начнём, пожалуй, с костюма.

– Народ, говорят, любит, когда политики носят костюмы фабрики «Большевичка», – засомневался губернатор. – Область у нас небогатая.

– Да враки всё это, – не отвечая прямо на замечание губернатора, рассмеялся Эдуард, – будто Союз распался из-за нарядов Раисы Максимовны. Народ любит молодых и красивых. Политики – те же артисты. А теперь хочу вам объяснить. Девять процентов – это ваш активный рейтинг. Мало. Но зато отрицательный рейтинг всего двадцать два. Намного лучше, чем у Зюганова и Жириновского. Тут парадоксальная по-своему картина. Вас в области плохо знают. Почти двадцать процентов даже не могут вспомнить фамилию губернатора. Сидит там в местном Белом доме какой-то чиновник от президента, раньше его же выбирали, ну и пусть сидит. Он служит президенту, у них там своя жизнь, у нас – своя. Борьба за существование. Нам до этого губернатора никакого дела. Ещё почти пять процентов думают, что вас уже заменили. Полное отчуждение от власти. Разве что бабушки по очень древней советской привычке ходят к чиновникам и сидят в бесконечной очереди. Да ещё прикормленные бизнесмены, ну, эти, понятно, с чёрного хода. Для страны эти двадцать пять процентов – трагедия, а для нас, политтехнологов, перспективный электорат.

Эдуард раскрыл свой ноутбук, и перед губернатором замелькали какие-то таблицы.

«Однако как же он успел? – с восхищением, удивлением и завистью подумал Садальский. – Всего два дня, как приехал. Что значит современное образование! Видно, этот Эдуард за границей учился вправлять мозги. Не наша дребаная партшкола плюс заочный сельхозинститут. Думали – грамотные, марксизм-ленинизм, а оказалось – Ваньки. В грамоте-то и проиграли, долдоны, со своим авосем».

– Вот, смотрите, – говорил между тем Эдуард, – шестьдесят два процента потенциальных избирателей считают вас коррупционером.

Губернатор схватился за голову.

– Зато целых двадцать восемь верят в вашу честность, – продолжил Эдуард, не обращая внимания на отчаяние Садальского, – а ещё десять пока не определились.

– Ну, случилось, конечно, – мрачно сказал губернатор. У него было такое ощущение, будто земля и небо одновременно закачались и поменялись местами, – даже в крупных размерах. Так покажите мне хоть одного святого.

– Геннадий Михайлович, вы и есть этот святой человек, – не скрывая удивления провинциальной наивностью губернатора, обворожительно улыбнулся Эдуард, – это просто поразительно замечательный результат. Прямо для русского Гиннеса. Мы проводили аналогичные исследования в Москве и в ряде других регионов, там цифры намного хуже. Это во-первых. А во-вторых, почти девяносто процентов из этих шестидесяти двух готовы отнестись с пониманием. Кто не пьёт и не берёт – тот не наш человек. Люди не верят, что в близком будущем можно искоренить коррупцию. Теперь дальше. Мы опросили об отношении к вашим правительственным чиновникам. Каждые три человека из четырёх, семьдесят пять процентов, считают их не только коррумпированными, это бы ещё ничего, кто не берёт, но и совершенно бездарными. Это ваш балласт и соответственно резерв.

– Ну? – снова помрачнел губернатор. – Что мне прикажете с ними делать? Будто другие будут лучше. Хоть из Питера автобусами вози.

– Геннадий Михайлович, – настойчиво сказал Эдуард, – другие не будут лучше. Но это будут другие. Народ будет доволен. Наша главная цель – победа на выборах.

– Да, – согласился губернатор, – это, конечно, самое главное – победить на выборах. Вот она как действует, демократия.

– Я рад, Геннадий Михайлович, – удовлетворённо сказал Эдуард, – что мы с вами мыслим одинаково.

Вы талантливый человек, из тех немногих, кто всегда у власти, при любой системе. Так вот, хочу напомнить – вы их сами, конечно, знаете – некоторые универсальные приёмы избирательной стратегии. Первое: надо ругать Москву. Сами знаете, народ Москву не любит. Наездили в своё время за колбасой. Они там живут раза в три лучше, а может, и в пять, все – миллионеры. Опять же, чиновники, олигархи, мошенники, бюрократия, коррупционеры – все в Москве. Жируют за счёт провинции, в Куршевеле ездят. Лужковская надбавка. А почему, спрашивается, лужковская? Он что, не из бюджета, а у Лены Батуриной взял? Словом, не любят у нас Москву: межрегиональное неравенство, на этом можно смело надувать рейтинг. Второе: чиновники. Народ любит, когда небожителей спускают с Олимпа. Тем более вы сами знаете им цену.

– Троих не хватит? – прохрипел губернатор.

С одной стороны, его раздражал этот вылощенный, самоуверенный, циничный молодой человек; губернатору хотелось встать, взять этого столичного франта за шиворот и выкинуть из кабинета. Но, с другой, времени до выборов оставалось катастрофически мало; губернатор знал, что давно растерял любовь народа, он и раньше ругал Москву, но это уже не помогало; притом никаких свежих мыслей у Садальского не было, он чувствовал, что в команде давно назрел кризис, чиновники заматерели и обленились, от эксперимента вот-вот побегут сами, как крысы. Наворовались. Насытились. Опасаются, как бы чего у них не отняли. Гласность для этих гадов – смерть.

Неожиданно губернатор Садальский рассмеялся. Он смеялся долго, почти истерически, до колик, брызгая слюной и трясясь всем плотным своим, сверхцентнерным телом. Представил, что Парфюмер – с чувством юмора у того всё было в порядке, даже слишком, – просто пошутил для собственного удовольствия, может, заключил пари. И тут же перепуганный губернатор, то есть он, Садальский, из-за глупой шутки уволил чуть ли не всю свою тёпленькую администрацию. Какое ноу-хау по борьбе с коррупцией, властная шутка. Даже угрозы никакой не было. Так, с шуткой – насчёт выборов и гласности – можно вычистить всю Россию,

все авгиевы конюшни. Вот тебе и шутки. Да, смешно. Получается, демократия и гласность – страшная сила. Как рентген. Но самое смешное, если выборов в результате не будет. Царская шутка. Чистый Гоголь. Россия.

Губернатор смеялся, всхлипывал и стонал, потом вдруг оборвал смех. Так же внезапно, как начал смеяться.

«Нет, Алхимик не шутил, – одёрнул себя губернатор. – Это нервы. Воображение разыгралось. От усталости и алкоголя. Надо бросать».

Всё последнее время губернатор ощущал усталость. Охота и выпивки – стезя очень многих российских начальников – не спасали. Он первый не выдержит эксперимент. Во все эти штучки – в демократию, гласность, свободу – пусть играют молодые. Садальский почувствовал слабость. Слегка закружилась голова. Захотелось сдать, довериться этому молодому нахалу, во всём согласиться с ним.

«Пусть это всё будет – свобода, демократия – только лет через двадцать или пятьдесят, – успокаиваясь, подумал губернатор, – не при мне».

– Трёх ваших главных министров: промышленности, сельского хозяйства и строительства, плюс много кого помельче. Дела в области швах, вот пусть они ответят. Народ должен видеть твёрдую руку, – продолжил разговор Эдуард, дождавшись, когда приступ у губернатора закончился.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Садальский. Эта лёгкость, с которой он согласился, удивила самого губернатора. Однако совет был чёткий, ясный, по крайней мере не нужно было ломать голову. – А теперь, Эдуард, я хотел бы ещё посоветоваться.

– Да? – Эдуард был весь внимание.

– Понимаешь, какое дело. У нас тут намечается зона свободы, хотя закон ещё не принят. Так вот... произошла утечка. Скорее всего, московские власти спешат избавиться или кто-то мне нарочно гадит. К мэру областного центра поступил запрос. А он без меня не решает. Лесбиянки и геи хотят провести фестиваль. Ну, там, красочное шествие, карнавал. В Москве, если помнишь, запретили. Правозащитники тогда подняли вой...

– Да это же подарок судьбы! – вскричал Эдуард. – Что Лужкову капут, то нам праздник. Геннадий Михайлович, запомните, с этого дня вы у нас главный правозащитник.

Губернатор Садальский оторопело уставился на политтехнолога. От неожиданности даже сердце забило неровно, с экстрасистолами. Губернатор хотел сунуть под язык валидол, но передумал, достал из шкафа бутылку коньяка и наполнил стаканы.

– За лесбиянок и геев, – с пафосом провозгласил Эдуард и хотел чокнуться с губернатором, но тот одёрнул свой стакан.

– Нет, ты сначала объясни, – попросил губернатор.

– Геннадий Михайлович, ваш рейтинг сегодня девять процентов, – как малому ребёнку, стал объяснять политтехнолог, – вам просто нельзя без рекламы. После этого фестиваля, уверяю, рейтинг поднимется как молодой фаллос. К тому же мероприятие вполне безобидное. Это вам не нацболы, не какие-нибудь оранжевые.

– Отрицательная реклама, – с сомнением промямлил губернатор.

– Вас кто-то ввёл в заблуждение, – решительно возразил Эдуард, – отрицательная реклама только от Чубайса. Даже бен Ладена можно раскрутить.

– Ну ладно, давай выпьем, – недоверчиво согласился губернатор. Он чувствовал, что плывёт по течению, но ничего не мог и, главное, не хотел с собой сделать. Он давно, с самого прихода к власти Ельцина, был дезориентирован. Это будто не Советский Союз умер, а он, губернатор Садальский – тогда ещё не губернатор, а секретарь обкома – потерял голову и ориентацию в пространстве. Для него это в самом деле была геополитическая катастрофа. Остались одни слова, рефлекс, и самый глубинный из этих рефлексов – хапать. Многие годы он делал вид, держался, рулил, как делали вид, держались и рулили другие, не очень понимая,

что надо делать, но душой он оставался в прошлом. Однако после разговора с зам. главы администрации президента что-то оборвалось в его душе окончательно, его подхватил поток, и у губернатора больше не было ни выбора, ни сил выплыть самостоятельно. – Давай выпьем за наше сотрудничество и дружбу. Я тебе доверяю. Пан или пропал. Да поможет нам Бог.

Они чокнулись. Губернатор даже прослезился.

– Вот ещё что, – доверительно сказал Эдуард, когда они осушили по стакану, – только, Геннадий Михайлович, давайте без галстуков.

Они сняли пиджаки, развязали галстуки и выпили ещё по стакану, так что губернатору пришлось достать новую бутылку из запасника.

– Вот ещё что, Геннадий Михайлович, – вернулся к прерванному разговору последователь Макиавелли, – вам бы надо завести любовницу.

Политтехнолог сделал паузу, ожидая реакции губернатора, но её не последовало; человек из прошлого стеклянными глазами смотрел на Эдуарда, вероятно, даже не замечая его. Так и не дождавшись ответа, Эдуард слегка потряс губернатора рукой, чтобы тот не заснул, и вкрадчиво продолжил:

– Или хотя бы сделать вид, если не получится.

– Зачем? – напрягся губернатор.

– Мы с вами живём в мире имитации, – философски заметил Эдуард, – партии, выборы, демократия, умные политики, любовь к отечеству – всё имитация. Избиратели любят молодых и крепких, сексапильных мужиков. Горные лыжи – это имидж. Римляне говорили: любовь и голод правят миром. Страсти и голод, а вовсе не высокие идеалы.

Опрокинув ещё по полстакана, губернатор и политтехнолог начали испытывать друг к другу любовь, в лучшем, конечно, не опошленном, чисто духовном смысле. Садальский ощутил, что вот этот парень, этот денди Эдуард и есть его ангел-хранитель и что с Эдуардом он, губернатор Садальский, не заплутает в политических дебрях. Этот Эдуард, хоть и молод, очень непрост, он знает все двери и все тайные пружины власти. Обучен политическому чародейству. Свой человек в президентской администрации. А Эдуард почувствовал встречно – вот он, губернатор, это бревно, этот совок, и есть его шанс. В Садальском нет и малой доли той харизмы, психологической силы, упрямства, необузданной энергии, дешевой демагогии, жажды власти, демонстративного поведения, всего того, что называется одним словом – популизм и что было у сделавшего себя Ельцина, и всё-таки при случае из этого тёхи, провинциального хитруна-тугодума, он сделает не только избранного губернатора, но даже и президента. Только сам губернатор об этом не должен пока догадываться. Может быть, даже никогда не узнает.

Итак, полное взаимопонимание было достигнуто. Теперь нужно было работать на опережение, пока демократический эксперимент в области оставался тайной. Началась, как чуть позже выпренно выразился губернаторский пресс-секретарь, подражая столичным коллегам, работа над документами. Эксперимент, задуманный походя в администрации президента, в течение дня превратился в грандиозный план перманентных демократических преобразований. Скромный областной город – в город Свободы; в короткое время он должен был преобразоваться в демократическую столицу России. Тень Марфы-посадницы зашевелилась и ожила, по крайней мере в воображении заговорщиков.

Между тем как губернатор и его политтехнолог работали и в то же время витали в эмпиреях и служили Вакху, охрана губернатора и его секретарь Роза находились в состоянии сильнейшего возбуждения. Было уже почти одиннадцать вечера, очередь непринятых посетителей и сотрудников в приёмной губернатора рассеялась, секретарь Роза, давно закончив макияж, с трудом отбивалась от звонков мужа, сидевшего в автомобиле у парадного подъезда с семи часов вечера и всё больше бесившегося от ревности. Как раз сегодня у Розы с мужем была десятая годовщина свадьбы, они собирались заехать в ресторан, там их должны были ждать

друзья, но дверь губернаторского кабинета не открывалась, а Роза не решалась стучаться в дверь. К тому же её чуть ли не ежеминутно донимали губернаторские охранники, уже изрядно пьяные, и водитель губернатора Вася, грозившийся всё бросить и уехать к чёртовой матери. Но больше всего ответственная Роза страдала из-за того, что дверь кабинета губернатора была заперта изнутри, что случалось редко, только когда губернатор впадал в запой, телефон не отвечал, радиосвязь и пневмопочта тоже не работали – неясно было, что по ту сторону двери случилось. Наконец Роза решилась и вызвала начальника охраны, местного Коржакова. Но этот бодигард, как и рядовые сотрудники, до одиннадцати часов вечера не терял времени даром и почти не вязал лыка.

– Стучись, – приказал он Розе, – ты тут деликатничаешь, а губернатора могли в это время убить. Этот Эдуард – очень подозрительный тип, американский шпион. Убьёт и улетит на метле.

Роза нерешительно подошла к двери губернаторского кабинета, хотела постучаться, но как-то само собой так получилось, что вместо стука она только слегка поскреблась. В ответ Роза опасалась услышать мат – губернатор всегда ругался матом, когда бывал пьян и когда Роза ему мешала, – но на сей раз из-за двери донеслось тихое и ласковое:

– Сейчас, сейчас, Розочка. Который час?

Роза даже не поняла от испуга, чей это был голос, губернатора или Эдуарда.

Примерно через полчаса дверь действительно открылась, и они явились народу, губернатор и его политтехнолог, в распахнутых рубашках с закатанными рукавами, без пиджаков и галстуков; они стояли обнявшись, пошатываясь и нежно поддерживая друг друга.

– Ну-ка, Васильич, неси коньяк, – приказал губернатор своему Коржакову, – у меня не осталось ни капли.

Бодигард услужливо и с радостью разлил коньяк по стаканам.

– И Розе тоже, – по-отечески приказал губернатор.

– Геннадий Михайлович, если так будет продолжаться, я уволюсь, – пригрозила в ответ Роза, – меня муж пятый час ждёт.

Губернатор, не обратив на слова Розы ни малейшего внимания, – он, похоже, просто забыл о её существовании, – поднял свой стакан.

– За новую, великую Россию. За свободу и демократию. За самоуправление и независимый суд. Нам не нужны потрясения, нам нужна великая, свободная страна, – изрядно заплетаясь языком провозгласил новообращённый демократ. – Нас ожидают грандиозные события. Ждите.

Охрана не мешкая подхватила губернатора с Эдуардом, бережно на лифте спустила на первый этаж и почти на руках донесла до автомобилей. Губернаторский кортеж тронулся. Губернатор Садальский в приливе воодушевления опустил стекло своего «лексуса» и, высунув руку, хотел приветствовать подданных, но было уже темно, редкие фонари горели слабо, прохожих почти не было – лишь у винного магазина на одной из улиц несколько ночных завсегдаев ответили на приветствие губернатора.

Несколько дней спустя на столе перед заместителем главы президентской администрации лежало донесение. Написанное, судя по всему, не слишком грамотным, но не лишённым проницательности человеком, заподозрившим в поведении губернатора нечто эксвизитное, это донесение уже побывало в определённом ведомстве, так что на каждой странице стояли все положенные грифы и аккуратной рукой были сделаны пометки и приписка в конце: «На ваше личное рассмотрение». «Ответственность», – чуть было не прочитал зам. главы администрации; от этой невольной ошибки вельможа усмехнулся, едва скривив в незаметной улыбке тонкие, злые губы.

Итак, эксперимент начинал осуществляться. Даже существенно быстрее, чем предполагал зам. главы. В Государственной думе изнывающие от летней усталости депутаты всё ещё не могли взять в толк суть эксперимента, домогались насчёт высочайшего одобрения, пытались перенести рассмотрение на осень, а губернатор Садальский, этот глубокий провинциал – собственно, именно поэтому он и был избран для эксперимента, – начал действовать. В области, малозаметное пока, начиналось смутное шевеление. Флюиды демократии, словно заразной болезни, появились в воздухе. Правда, до настоящей эпидемии было ещё очень далеко. Получалось, что зам. главы опять недооценил человека. С высоты своего ума и своего положения он, великий комбинатор, гроссмейстер, как сам себя мысленно называл, просчитывая разные комбинации, всегда допускал одну и ту же ошибку – эти людишки под ним на иерархической лестнице (далеко внизу – массовка, там тьма и сырость; но и те, что были ближе к зам. главы) казались ему примитивными пешками, но стоило только начать с ними партию, как они тут же пытались вылезть в ферзи. Не раз зам. главы администрации клял себя за высокомерие, но, увы, клял всегда *post factum*. Теперь вот этот ванёк, губернатор Садальский. Он, судя по всему, начинал проявлять признаки проснувшегося честолюбия. Синдром Ельцина, пока, однако, в слабой форме. Ещё один Железный Шурик... Заговорил по-столыпински. Ну что ж... пока всё было под контролем.

«Узкие людишки, – мысленно вернувшись к лежавшим перед ним бумагам, усмехнулся зам. главы. – Всё видят чёрно-белым. По-советски. Ментально они всё ещё там, перестраховываются по каждому пустяку». – Усмешка стала мизантропической, зам. главы брезгливо отодвинул донесение. Ничего неожиданного в нём не было. События развивались строго по плану. Зам. главы включил запись интервью губернатора. Слова были, как всегда у чиновников такого ранга, гладкие, правильные, пустые. Только очень внимательный человек мог уловить разницу. Чуть больше, чем в среднем по стране, про свободу и демократию, но в самом общем виде, без всякой конкретики. Просто как заклинание. Пожалуй даже, это место вполне мог бы прочесть Леонид Ильич. Несколько пассажей о самоуправлении, о правах человека, дальше вполне нейтрально о предстоящем фестивале сексуальных меньшинств – это будет хорошо встречено за границей, шокированной жёсткой позицией московских властей. Нет, всё в меру. Сдвиг если и был, то микроскопический. Пожалуй, изменения больше коснулись формы. Раньше косноязычный, часто говоривший невпопад, на сей раз губернатор Садальский точно следовал за бегущей строкой, да и текст был тщательно отредактирован, появились умные мысли. Чувствовалась талантливая рука режиссёра и спичрайтера. Странно, но в донесении об этом ничего не было.

– Я, кажется, догадался, – усмехнулся зам. главы.

Он пододвинул к себе телефон правительственной связи и уверенно, на память набрал номер. – Алло, Сэм, – приветствовал зам. главы администрации.

На другом конце провода улыбался широко известный в околополитических кругах политтехнолог Сэм Лейкин, сын эмигрантов из СССР, вернувшийся в Россию в середине девяностых, президент влиятельной фирмы «Макиавелли Н.», скандально прославившийся ещё в Америке. Там Сэм едва не устроил новый Уотергейт, правда, в масштабах одного штата. С помощью дорогих адвокатов Сэм чудом избежал тюрьмы и предпочёл вернуться на промежуточную родину предков, откуда они с трудом вырвались. С тех пор Сэм от Америки старался держаться подальше, хотя и сохранял на всякий случай гражданство. Зато в СНГ сэр Лейкин имел репутацию лучшего специалиста, никогда не проигрывающего выборы. Правда, недоброжелатели объясняли победы его клиентов не столько талантами сэра, сколько связями Сэма, обилием денег и подтасовками, но, увы, это известный факт – проигравшие почти всегда говорят о подтасовках. Итак, Сэм Лейкин был на проводе.

– Алло, Сэм, – говорил зам. главы администрации, – я не ошибся, что твой Эдуард работает с Садальским?

– Так точно, сэр, – с лёгким оттенком фривольности отвечал Сэм, – Сададьский, между нами, дубина. Но обучаемый. У вас тут... да нет, у нас... никак не перестроюсь... люди очень талантливые. Всё впитывают в себя как губка. Но главное, сэр, грандиознейший эксперимент. Примите моё восхищение. Князь Потёмкин отдыхает. Ни в одной стране ничего подобного не было. Отцам-основателям не могло даже присниться. Хотел бы обсудить кое-какие новые идеи, сугубо конфиденциально.

– Хорошо, Сэм, – сухо пообещал зам. главы и положил трубку.

Нет, всё пока было хорошо и действительно под надёжным контролем. Сэм Лейкин, хоть и склонен к феерическим фантазиям, не подведёт.

«Как он сказал? Грандиознейший эксперимент? У вас страна великих экспериментов... Да, мы страна великих экспериментаторов – гордо подумал зам. главы, с вождением нарцисса, любуясь, долгим взглядом посмотрел на себя в зеркало, брюзгливо придвинул донесение и начертил мелким, разработанным почерком круглого отличника: «Информация рассмотрена. Эксперимент. Под личным контролем».

Вопреки первоначальным соображениям губернатора Сададьского, удержать предстоящий эксперимент в тайне не удалось. То ли кем-то (не политтехнологом ли Эдуардом?) была запущена система строго дозированных утечек, то ли почти сверхъестественная индукция – словом, слухи, не очень, впрочем, определённые и не всегда понятные, выползли из губернаторской резиденции и принялись гулять по городу и области. Говорили самое разное. Что губернатора скоро снимут, что он разводится с женой и завёл себе любовницу, что его забирают в Москву на повышение, то ли министром по делам сексуальных меньшинств (вроде решили ввести такую должность по требованию Европы), то ли местного самоуправления или даже омбудсменом; ещё говорили, что новый президент решил вернуть губернаторские выборы, что области в центре дают огромный кредит и под этот, мол, кредит потребовали поменять министров, чтоб не растащили деньги, что председателя облизбиркома Тулинова переводят в Москву, и что там под него вместо Центризбиркома создают новое ведомство «Главвыборы», и что в области хотят устроить особую зону, что-то вроде зоны красных фонарей, – слухи шли кучно, как снаряды ложились всё ближе к мишеням. В сущности, в появлении слухов не было ничего сверхъестественного. Мысля вполне материалистически, можно было убедиться, что, по крайней мере отчасти, слухи не рождались на совсем уж голом месте и даже были как-то привязаны к реальности. В то время как область переживала летний зной и готовилась к жатве – для горожан обычное время отпусков, сезон, когда десятилетиями ничего не происходило, – в областном центре наблюдалась совсем не летняя активность, словно нервные флюиды были разлиты в застойном воздухе.

Во-первых, гастролы очень известной певицы. Причём воображение провинциалов потрясли не сами гастролы, а то, что случилось потом – в честь эстрадной звезды помолодевший и одетый с иголочки, в один импорт, губернатор устроил званый ужин в очень узком кругу, без жены и даже какое-то время провёл со звездой в отдельном кабинете. Более того, во время ужина звезда выглядела сильно возбуждённой; об ужине в программе новостей сообщило областное телевидение, показало танцующего со звездой губернатора, а на следующий день с их фотографией вышла областная газета. Похоже, неспроста. Не бывает дыма без огня. Это был сигнал, подлежащий расшифровке. Фотография с губернатором в областной «Правде» в местном масштабе могла означать не меньше чем близость к генсеку на трибуне мавзолея во время октябрьской демонстрации в прошлой, советской жизни.

Во-вторых, в прессу просочились сведения о встрече губернатора с зам. главы президентской администрации. Правда, о чём они разговаривали, можно было только догадываться. Зато в интервью две с лишним недели спустя губернатор Сададьский, чего раньше никогда не

было, рассуждал о свободе, демократии, правах человека да ещё о каком-то гей-фестивале. Это не могло быть просто так.

В-третьих, оговорка министра финансов о дополнительных субвенциях. Почти одновременно заговорили об отставке сразу трёх ведущих министров. Причём на сей раз это оказались не слухи. Стало известно, что в Облдуму поступило соответствующее письмо от губернатора. И тут же вокруг письма закружилась интрига. Председатель областной думы Варяжников, давний конкурент и недоброжелатель Сададьского, попытался сплотить депутатов в защиту министров. Он явно почувствовал со стороны главы исполнительной власти неясную для депутатов хитрость, какой-то тайный, непонятный пока, но, несомненно, продуманный ход и попытался его заблокировать. Однако не вышло. Депутаты раскололись. Большинство не захотели выглядеть ретроgrадами перед избирателями накануне выборов и дружно ударили по чиновникам (подразумевалось – по коррупционерам), чтобы доставить изверившемуся электорату хоть маленькую радость. Спектакль, однако, получился громкий – с взаимными обвинениями, киданием стульев, мордобоем и даже с голодовкой протеста. Тут надо уточнить. Голодовку держали два самых отчаянных депутата, добивавшихся громкой известности, в то время как сами уволенные министры ушли тихо, без всяких протестов, и даже выразили губернатору благодарность. Но, самое странное, если раньше работа думы проходила в страшной тайне, то теперь скандал показывали в прямой трансляции. Электорат заводили и настраивали к предстоящим битвам. То было первое публичное лекарство от Эдуарда – борьба с многолетней сонной депрессией.

Наконец, пожалуй, самое интересное событие лета: официально было объявлено о предстоящем фестивале сексуальных меньшинств. Канцелярия губернатора по такому случаю выпустила специальный пресс-релиз со ссылками на права человека, на разные европейские конвенции и – не очень понятно, намёками – на происходящие в области процессы.

Почти одновременно внимание местных обывателей привлекло ещё одно загадочное событие – встреча в Москве председателя обллизбиркома Тулинова с Сэмом Лейкиным. Правда, до последнего дня никто в области, включая и самого губернатора, за исключением, может быть, всезнающего продвинутого Геббельса, даже не подозревал о существовании этого Сэма. Так вот, тут нужно кое-что объяснить. Как известно, любая демократия начинается со СМИ. Так и в области. Эдуард, с того самого дня, как они с губернатором, скинув официальные одежды, в полном восторге друг от друга и от громадьа планов, в обнимку, пошатываясь, вышли из высочайшего кабинета к народу, то есть к секретарше Розе и к охране, иначе говоря, с момента обращения язычника-губернатора в демократа новой волны, приобрёл на хозяина области Сададьского непререкаемое влияние, став его гуру, и первым делом конвертировал это влияние в неординарный телепроект. На областном телевидении появилась еженедельная аналитическая передача с интригующим и в то же время вызывающим ностальгию названием «Итоги», со своим Киселёвым и Доренко в одном лице, неким Максимом Плотниковым, которого Эдуард, а скорее, сам Сэм Лейкин, как настоящий фокусник, вытащил из рукава. Кем был раньше этот Максим Плотников, известно было довольно скудно и противоречиво – преподавателем философии, переводчиком и журналистом, но где и какую он преподавал философию, что, когда, для кого и с какого языка переводил, наконец, где публиковался и вёл репортажи – всё было покрыто тайной, хотя скорее не глухой, а полупроницаемой. Появились слухи – в Киеве, куда изменчивая судьба забросила на время немало кого из российских мэтров тележурналистики. Итак, этот таинственный Максим Плотников, лет тридцати пяти, элегантный, обученный хорошим манерам, полиглот, с поставленной бойкой речью и не слишком навязчивой склонностью к философствованию, горделиво прошагав победителем на фоне полуразрушенного областного Кремля и курантов, этот «мессия грядущей свободы», как в порыве восторга назвала его одна из близких к губернатору газет, открыл свой телебенефис. А вот этот самый телебенефис наполовину посвящен оказался вовсе не губернатору, как можно

было бы предположить, а могущественному Сэму Лейкину, политтехнологу, владельцу и президенту знаменитой фирмы «Макиавелли Н.», его взглядам на будущее вечно запаздывающей российской демократии и таинственной встрече с председателем облизбиркома Тулиновым. Особенно интриговало, что встреча происходила в закрытом, только для олигархов и высшего бомонда, ресторане, где цены за ужин, по сведениям Максима Плотникова, зашкаливали за несколько тысяч баксов, и что во время этого ужина, или вечера с диковинными яствами, как выразился Максим Плотников, ресторан на полчаса посетил сам заместитель главы президентской администрации. О чём разговаривали и о чём договорились Сэм Лейкин с Тулиновым, так и осталось за кадром. Известно было лишь, что после встречи Тулинов не вернулся в область, а отправился отдыхать в Сен-Тропе. На Лазурном берегу председателю облизбиркома предстояли якобы важные деловые встречи.

Яркий бенефис Максима Плотникова вызвал в области немалое оживление, множество разговоров и пересудов – интерес был значительно больший, чем можно было ожидать в глухой, Богом забытой провинции, где многие не столько живут, сколько кое-как перебиваются с огородов. Совсем странно – не меньше, чем к предстоящему фестивалю геев и лесбиянок. Получалось, тяга к политике не угасла, а мирно и терпеливо ожидала своего часа. И вот он пробил, этот час. Неизвестно откуда объявившиеся в области политологи исступленно спорили на телеэкране, как трактовать месседж Максима Плотникова и при чём тут Сэм Лейкин. Что хотел сказать новый властитель дум? Был ли это тайный намёк на закулису, критический залп против власть имущих, светские зарисовки, некий сигнал оппозиции, своеобразный анонс «Итогов», болезненная самореализация или... Тут мнения политологов разделились. Лишь после очень долгих споров они большинством голосов пришли к выводу, что, скорее всего, показанный сюжет означал следующее: у губернатора и Кремля всё схвачено, облизбирком будет считать правильно и действовать так же, и, следовательно... здесь следовали разные стыдливые выражения, всякие эвфемизмы и ссылки на страны с развитой демократией, из которых можно было понять что-то вроде того, что... чужие здесь не ходят или нечто подобное. Но при чём здесь Сэм Лейкин? Символ американской демократии, её изгой или артефакт? Скорее всего, последнее, утверждали политологи после долгих споров. Что же, вместо демократии мы импортируем одни артефакты?

Значительно больше единодушия политологи проявили в похвалах свободе и суверенной демократии и даже признали, что свобода... создаёт свободного человека. Правда, новоявленные спецы рассуждали не слишком внятно, так что не все поняли, о какой собственно свободной личности идёт речь – о губернаторе Садальском, бросившем перчатку Москве, о новой телезвезде или о Сэме Лейкине.

...Итак, процесс пошёл...

В Госдуме всё ещё спорили, всё оттачивали формулировки нового закона. Оппозиция сначала стояла насмерть против эксперимента. Прирученная, одомашненная, она предпочитала кормиться из рук, а не добывать пищу в жестокой конкурентной борьбе. Но потом по просьбе администрации изменила позицию на все сто восемьдесят градусов. Вице-спикер Жириновский даже объявил себя соавтором идеи эксперимента. Вспомнив молодость, в пылу споров он едва не оттащил за волосы оппонентку из КПРФ. Ради эксперимента последний из могокан девяностых, не считая человека похожей судьбы, бумажного коммуниста Зюганова, даже почти поклялся – оставить болотную Думу, захваченную новой КПСС, и выставиться в губернаторы. Словом, в Госдуме ожесточённо спорили, пытались подсчитать дебет и кредит и вывести сальдо; ждали, куда качнутся качели, не изменится ли что в тандеме; они, как всегда, опаздывали, а в области – процесс пошёл...

Между тем процесс пошёл совсем неоднозначно. Так, во всяком случае, подумал губернатор Садалский, когда ранним утром – никогда раньше с девяностых годов такого не было – ему позвонил начальник областного УВД.

– Михалыч, – кричал мент в трубку, – я предупреждал. Разболтались, к чёртовой матери. Игрушки какие-то... А всё эта дерьмократия. Доигрались, сукины дети. Разреши, Михалыч, я разгоню.

– Кого? – выругался про себя губернатор. – У тебя что, белая горячка?

– Там какая-то демонстрация. – Начальник УВД закрутил матом длиннейшую руладу.

– Ты узнай сперва, шизик, – ответно закричал в трубку губернатор, – что за демонстрация. За кого?

– Михалыч, не надо поступаться принципами. Надо разгонять, – настаивал начальник УВД. Он, похоже, был порядком не в себе.

– Ты что, Нина Андреева, бя... Окстись! – заорал губернатор и бросил трубку.

В последнее время губернатор захаживал в церковь и даже начал уверенно креститься, спасибо, что в детстве учила наперекор безбожной власти бабушка. Садалский в Бога не верил, но был тайно крещённый, теперь он носил крест – так было правильно, все губернаторы носили и даже сам хитроумный, не верящий ни в Бога, ни в чёрта Алхимик. Вот и сейчас губернатор сказал начальнику УВД области «окстись», хотя сам не знал толком, что это за слово такое и что оно обозначает. Подразумевалось: сиди тихо и не высывайся.

Однако с демонстрацией надо было что-то решать. Не дай бог, набедакурят, устроят какую-нибудь революцию, дойдёт до Москвы. Демократия демократией, а по головке не погладят всё равно. Одно слово дерьмократы. Что это могут быть совсем не демократы, в голову губернатору не приходило. Он бы, пожалуй, тоже действовал как попроще – разогнать, и дело с концом, но в последние дни губернатор Садалский привык ничего не предпринимать, не посоветовавшись с Эдуардом. К тому же и сам он теперь был лидером демократического эксперимента, то есть вроде как демократом. Интересно, что сейчас делает Эдуард, почему не звонит, почему ничего не предпринимает. Надо было спешить, пока события не вышли из-под контроля.

– Что там случилось? Что за демонстрация? – вместо приветствия поинтересовался губернатор, поспешно садясь в свой «лексус», у водителя с охранником.

– Да ничего там не случилось, – отвечал охранник, двухметровый амбал, едва помещавшийся рядом с водителем, неожиданно высоким, не по фигуре, слегка охрипшим голосом. – Два пикета сопливых. Какие-то идиоты. Вам Грачёв звонил? Так он третий день не просыхает.

Вскоре губернатор убедился, что демонстрации и в самом деле не было. Было, действительно, два пикета, стоявших по разные стороны местного Белого дома, метрах в двухстах один от другого, и, судя по всему, враждебных между собой. Над одним из пикетов колыхался плакат: «За права человека!»; в пикете стояли человек шесть-семь, время от времени к ним подходили прохожие и расписывались в каких-то бумагах. Над другим пикетом, расположенным у противоположного торца, активисты держали сразу два плаката: «За Советский Союз!» и «За Родину, за Сталина!»; людей в этом пикете было примерно столько же. Губернатор Садалский, обзрев поле идейного противостояния, сплюнул от осуждения, выругался и, больше не проронив ни слова, в сопровождении охранника-амбала направился в Белый дом, который, вопреки принятому названию, был вовсе не белым, а грязно-серого цвета. Поднявшись на лифте на губернаторский этаж, Садалский сразу направился к Эдуарду. Тот был официально назначен на должность главного советника губернатора по имиджу (недрузи губернатора острили – на должность серого кардинала; поговаривали – спецпредставителем Москвы и даже – Татьяной Дьяченко), поэтому кабинет Эдуарда со спецсвязью находился прямо напротив губернаторского. Эдуард, ожидая губернатора, развалился в кресле и развлекался тем, что

подбирал к портрету Сададьского разные бороды, делая его попеременно похожим на Карла Маркса, Николая II, Фиделя Кастро и бен Ладена.

– Ты тут какой-то хреновиной занимаешься, – рявкнул, не здороваясь, губернатор, – а там, не видел, что ли, два пикета... Пошло-поехало, доигрались... Как в Москве в девяностом году...

– Геннадий Михайлович, это ваш шанс. Я телевизионщиков вызвал. Как раз вечером передача у Плотникова, – сохраняя ледяное спокойствие, едва обернувшись, сообщил Эдуард.

– Что? – взвился губернатор. – Да я с этим прохиндеем...

Что он с этим прохиндеем и отчего вообще Максим Плотников прохиндей, губернатор не знал и потому оборвал свой крик на полуслове.

– Что с пикетами делать, подскажи. Генерал этот хренов меня достал. Хочет разогнать.

Эдуард решительно поднялся.

– Геннадий Михайлович, это я организовал для вас пикеты. Надо показать народу, как вы умеете разговаривать с людьми. А пьяного скалозуба – срочно на пенсию, пока не наломал дров.

– Какого Скалозуба? – забыл про генерала потрясённый губернатор.

– Вашего, эмвэдэшного. Грибоедова не читали? За каждого динозавра – от двух до пяти процентов рейтинга. На президента с премьером посмотрите, учитесь.

Пример президента с премьером подействовал на губернатора неотразимо. Сададьский даже забыл, что у генерала Грачёва тесные связи с местными авторитетами и что поэтому мент ему, губернатору, очень даже нужен.

Минут через пятнадцать, едва прибыли журналисты с камерами, губернатор Сададьский, тщательно причёсанный и одетый в такую же, как у пикетчиков, курточку, вышел к народу. На ступенях Белого дома, чтобы усилить эффект, губернатор задержался на несколько мгновений – телевизионщики напряглись: в какую сторону пойдёт глава области, налево, к правозащитникам, или направо, к патриотам, имело символическое значение. Губернатор оказался на высоте казавшейся неразрешимой задачи – повернул налево, пообщался с правозащитниками и даже, невероятно, подписал петицию об освобождении Ходорковского; затем пошёл направо, опять пообщался с народом, на сей раз, для равновесия, почти пятнадцать минут против десяти, и опять подписал петиции, сразу за Советский Союз, против олигархов и в поддержку прокуратуры против «ЮКОСа». Полный плюрализм. Тут, однако, выявилась новая интрига. Оказалось, что в обоих пикетах стоят хоть и враждующие между собой, но родственники. Душка губернатор тут же предпринял челночную дипломатию, свёл и помирил родственников, сфотографировался со всеми на память – вечером Максим Плотников в передаче «Итоги», которую на сей раз не отрываясь смотрели не только своя, но и соседние области, величал губернатора ведущим и самостоятельным региональным политиком, готовым дать фору Москве. К тому же ещё и миротворцем. Миротворец – это запомнилось; запомнилось многократно повторенное, как удар головой Зидана в грудь Метераци, рукопожатие разделённых политикой родственников. Новое прозвище накрепко приклеилось к губернатору. Никто не вспоминал больше, что в прежние годы губернатора, бывало, называли Жлобом.

– Итак, первый подвиг Геракла, растиражированный в эфире и доведённый до каждой семьи, совершён, – велеречиво, с присущим ему юмором, записывал в рабочем дневнике Эдуард.

Подвигов, однако, как известно, было двенадцать. Теперь губернатору предстояло сразиться – не с Немейским львом, Лернейской гидрой или Стимфалийскими птицами, – противник был значительно серьёзней: цены. Цены не подчинялись губернатору и росли, вызывая ропот в небогатой области. Конечно, всё можно было валить на Москву, на Центробанк, на слабую антимонопольную политику – всегда валили, и справедливо, но можно было и выступить

укротителем. К тому же, губернатору подвернулся случай. Посещая как-то районный городок, начальник области как бы незначай зашёл в супермаркет. Магазины были небольшой, одно название, но цены – не то чтобы кусались сильнее, чем вокруг, но для тощих кошельков жителей райцентра явно были завышены. Старожилы ещё вспоминали очереди за колбасой по два двадцать и водку за два восемьдесят семь.

– Кто здесь хозяин? – наливаясь кровью, взревел губернатор по старой обкомовской привычке.

Трясущийся хозяин предстал перед губернатором.

– И директор ты? – продолжал бушевать Садальский. – Снять директора, сей же момент.

– Он что, должен снять самого себя? Как можно приказывать хозяину? Я, может быть, плохо понимаю по-русски, – изумился английский корреспондент, затесавшийся в свиту губернатора по приглашению Эдуарда.

– Олл райт, – усмехнулся Эдуард, – отлично понимаешь по-русски. Только мыслишь не по-нашему.

Действительно, никто, кроме англичанина не нашёл в распоряжении губернатора ничего странного. На глазах довольной публики свершалось чудо.

Хозяин униженно кивал и клялся тотчас же снять директора.

– И цены снизить на двадцать процентов, – смягчившись, потребовал губернатор. – Не снизишь – закрою.

Цены были снижены. Вслед за жалким супермаркетом – во всей области. Пусть и не на двадцать процентов. Только крупные сети закрылись на учёт. Правда, торжество губернатора над ценами было недолгим. Через несколько дней они снова начали расти, как отрубленные головы у Лернейской гидры. Но неизбалованная публика всё равно была довольна: во-первых, никто не ждал, что чудо будет долгим, зато губернатор показал кузькину мать торгашам и буржуйам, а во-вторых, самые предусмотрительные и вёрткие успели на несколько месяцев запасти продукты. Торжествовали и Максим Плотников с его районными корреспондентами – прекраснейшая тема для «Итогов», но больше всех – областная «Правда», некогда большевистская боевая газета. Воспользовавшись случаем, орган обладминистрации, как в советские времена, обличал капитализм, вспоминал Маркса и призывал губернатора декретом установить цены на социально значимые товары. Среди громких восторгов потонули голоса редких скептиков. Эти упрекали губернатора в волюнтаризме и плагиате – не он первый демонстративно боролся с ценами, как с ветряными мельницами, и снимал директора, – но, главное, в пренебрежении законами рынка. Даже называли всё это дешёвым шоу.

Между тем, войдя во вкус, губернатор продолжил совершать свои подвиги. В маленьком районном городишке, где жители, закон, местные депутаты, прокурор и даже председатель избиркома одинаково оказались бессильными перед воругой-мэром, стоило появиться губернатору, сверкнуть по-царски очами – и мэрич добровольно запросился в отставку. Не стал ждать отрешения от должности.

– Вот она, российская демократия, – иронизировал с экрана Максим Плотников, – приехал Хозяин и навёл порядок. Получается, у нас – хозяйская демократия.

Увы, среди множества довольных смещением мэрича и здесь нашлись недоброжелатели, всё те же высоколобые скептики, утверждавшие, что мэрича принесли в предвыборную жертву и что на самом деле он до последнего был тайной креатурой губернатора и его же, губернатора, дойной коровой. Почти двадцать лет служил губернатору верой и правдой, пока не отбил от рук.

– Что же мешало честному губернатору убрать его раньше? Ведь знал, что мэрич ворует! – восклицали высоколобые.

– Бог им судья, этим профессорам, кабинетным теоретикам, оторванным от жизни, – по-макиавеллиевски улыбались с экрана Эдуард и Максим Плотников.

«Профессора» – это звучало почти как Гайдар с Чубайсом. Народ из принципа не желал их слушать.

Между тем настал день срамного праздника. Геи и лесбиянки, со скандалом изгнанные из Москвы, съезжались в областной центр, щедро сорили деньгами, в благодарность к местному руководству обещали устроить особенно пышное и красивое зрелище. Плюс к тому ещё основать фонд поддержки собратьев, проживающих в провинции.

Аборигены тоже готовились. Посмотреть на Содом и Гоморру собрались не только горожане. Целыми семьями, с детьми, приезжали сельские жители, во множестве даже из соседних областей. Зрелище-то было невиданное, невероятное, едва ли инопланетяне могли бы вызвать больший ажиотаж. Съезжались журналисты и телерепортёры; немногочисленные местные терялись среди приезжих из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, во множестве были и гости из-за границы. Событие всё больше приобретало политическое значение. Никогда, пожалуй, со времени войны не звучала иностранная речь так часто на улицах тихого провинциального центра. «В этом областном городе вновь возрождается российская свобода», – гордо заявлял известный телеас, никогда не скрывавший свою нетрадиционную ориентацию, проделавший ради ренессанса российской свободы путь в несколько тысяч километров. Сам он в последние годы работал ведущим аналитиком на специальном канале для геев и теперь мечтал создать такой же канал в России. «Сексуальная свобода – неотъемлемая часть прав и свобод человека. С этой, частной свободы должен начаться великий путь к всеобъемлющей демократии», – вторил ему другой, не менее известный западный гуру, примерный семьянин, либерал и социалист. Впрочем, среди приезжих встречалась и публика другого сорта. Так, известный пастор-гомофоб прибыл специально, чтобы выступить с проповедью в передаче Максима Плотникова.

Неизвестно откуда – источник так и не был установлен – среди пишущей братии распространился слух, на следующий же день попавший на телеэкраны и в газеты, что областной центр решено превратить то ли в третью столицу России, то ли в особую зону. В столицу (зону) российской свободы, секса и казино.

Нельзя сказать, что местные жители не были консервативны и с полным одобрением относились к происходящему. Напротив, в отличие от безразличных, перекормленных зрелищами, занятых собой москвичей, потерявших способность удивляться и возмущаться, искусственно толерантных, провинциалы возмущались и осуждали иной раз даже весьма громко, но в то же время их влекло к себе дивное зрелище, они были возбуждены и горды, что выбор пал именно на их город, что именно их губернатор и мэр проявили независимость и разрешили такое, им было приятно оказаться в центре всеобщего внимания, импонировали стрекотание телекамер, иностранцы, деловитые журналисты у центрального телеграфа; им нравилось давать интервью, которые прямо на улицах записывали журналисты из многих стран, нравилось стать знаменитыми, и они, подыгрывая журналистам и телевизионщикам, размахивали флажками и цветами, кричали в объективы телекамер: «Свобода, свобода!», стояли вдоль улиц и приветливо махали руками. Многие к тому же уже успели или ещё рассчитывали прилично заработать. Да и было чему удивляться. Жители области, кто постарше, ещё смутно помнили обязательные майские и ноябрьские демонстрации, молодёжь же вживую их не видела никогда, то есть многолюдные демонстрации и акции в новое время, может, и были, но они проходили, не оставив следа ни в душе, ни в памяти, вроде выступлений профсоюзов в поддержку работодателей. Да и что было вспомнить из прошлых советских лет: официоз, портреты партийных старцев, пустые лозунги, серых людей на трибуне, обязательно в шляпах (что был среди них и нынешний губернатор, все уже забыли), очереди за пивом по ходу шествия – сейчас же было иное: геи и лесбиянки, нарядно одетые, хотя и не без странности, – иные мужчины были с серьгами и в юбках, а женщины, напротив, в брюках, – шли весело, с криками, с речёвками

на разных языках. Здесь действительно была вся Европа. Все были с цветами и воздушными шариками; вместо портретов членов политбюро над толпой развевались огромный презерватив и целующиеся губы. Чуть сзади несли плакаты: «Свобода начинается с секса!», «Свободным людям – свободный секс!» и «Однополые браки – шаг к свободе!». За ними, танцуя, двигались колонной полураздетые, накрашенные до неузнаваемости девицы, – говорили, что это подрабатывают студентки, – эти несли огромное полотнище: «Долой ханжество!». Вслед за девицами КамАЗы тащили карнавальные платформы – там был маскарад; люди с платформы, то ли женщины, то ли мужчины, бросали в толпу конфетти, стреляли пушки-фаллосы, молодым раздавали презервативы, пожилым – виагру и всюду гремела музыка. Наконец, на последней платформе публику ожидал ещё один сюрприз. Танцоры из Рио-де-Жанейро, мужчины и женщины, почти донага обнажённые, в бешеном ритме исполняли самбу. В дополнение в киосках вдоль главной улицы – Ленина – бесплатно угощали пивом. Понятно, что пиво лилось рекой. Но не кончалось; предусмотрительные организаторы пригнали ради праздника машины-цистерны. Лишь в одном месте скинхеды и некие православные граждане в чёрном хотели протестовать, а может быть, и драться, но вскоре сникли от пива, всеобщего веселья и наглых ошупывающих взглядов дюжих гомосексуалистов и предпочли раствориться в толпе.

Геи и лесбиянки с презервативом, целующимися губами и плакатами прошли довольно быстро, платформы проехали; вопреки смутным ожиданиям провинциалов, никто не превратился в соляной столп; только праздник – остался. День был тёплый, солнечный, и люди до позднего вечера гуляли, пили пиво, горланили песни и танцевали – лишь несколько позже от Максима Плотникова они узнали, что это были осенние вакханалии. Ещё неделю после праздника потрясённые провинциалы слушали радио, смотрели телевизор (даже дежурство устанавливали) и покупали газеты – искали себя в танцующей толпе, среди пьющих пиво, дающих интервью, а бывало – дерущихся или мирно спящих на скамейках или прямо на траве, а то и посреди скверов и улиц.

А что же в этот судьбоносный день вхождения в европейскую цивилизацию, как выпендренно выразился всё тот же Максим Плотников, делал наш старый знакомец, губернатор Садальский? В сопровождении охраны и неизменного Эдуарда он, разумно отказавшись от стояния на трибуне, общался с народом, то есть ходил по центральной улице, жал руки, обещал изобилие, достаток и снижение цен, торговцам – рай в отдельно взятом российском городе, пил со всеми бесплатное пиво и даже играл на ложках, но всё, как с восторгом сообщал в «Итогах» Максим Плотников, а за ним все областные газеты – исключительно в меру, без эксцессов, случавшихся с другими тяжеловесами. Замечено было также, – тут постарались глянцево-журнальные, – что губернатор начал активно худеть: уже не сверхцентнерный советский секретарь обкома, хотя и не стройный новорусский политик. Преображение, однако, началось и было зримым. Вместе с преобразованием менялся и рейтинг губернатора...

Через два дня после праздника Эдуард, как всегда, утром предстал перед губернатором Садальским.

– Поздравляю, Геннадий Михайлович, – произнёс он слегка торжественно, – ваш рейтинг на вчерашний день почти сорок процентов. Как видите, мы успешно решаем задачу вполне мирными средствами: без войны, без взрывов домов и террористов. А ведь через неделю у нас ещё демонстрация ночных бабочек. – Губернатор тяжело вздохнул, Эдуард же напористо продолжал: – Я сообщил Сэму. Госдуме пора принимать пакет законов. Форса скоро заканчивается. Затягивать с выборами нельзя. Помните, по Ленину, вчера – рано, а завтра – уже поздно.

Эдуард расселся перед губернатором, закинул ногу на ногу и вытащил из сумки ноутбук.

– Теперь, Геннадий Михайлович, нам надо обсудить конкурентов. Самых опасных мочить перед стартом. Коммунист из капиталистов, бывший водитель Жириновского, справедросс – это, понятно, антураж.

– Немцов, Каспаров, Рыжков, Лимонов, Касьянов, – неуверенно стал перечислять губернатор, – все обиженные и отстранённые. Не дай бог, ещё Бабурин, Глазьев, Хасбулатов, Рогозин... Да кто же их знает, сколько их будет. На всю Россию одна область. Конкуренция больше, чем на президентских выборах... Все демократы и патриоты. – Губернатор снова тяжело вздохнул. Неизвестно, сколько останется от его однодневных сорока процентов. Неужели всех их мочить, всю Россию?

– Нет у нас ни демократов, ни патриотов, – с усмешкой отвечал Эдуард. – Есть люди, которые возомнили себя демократами или патриотами. В стране, где нет демократии, не может быть настоящих демократов. Демократами не рождаются, демократами становятся. Наша ментальность – большевизм. Что касается патриотов, помните Льва Толстого: «Патриотизм – последнее прибежище негодяев». Классик, надо думать, имел в виду не любовь к Родине, а идеологию ксенофобства.

– А кто же у нас есть? – недовольно поинтересовался губернатор.

– Путаница в головах – вот это у нас есть. А если полусерьёзно – славянофилы и западники, многократно мутировавшие до неузнаваемости и распавшиеся на мелкие секты. Широты взглядов у нас больше нет. Это раньше болели за всё человечество. Узнаёте? Другой классик, изрядный, по-моему, лицемер. Рассуждал о мировой гармонии, о слезинке ребёнка. Было когда-то – хотели землю в Гренаде крестьянам отдать, бредили мессианством, несли революцию на кончиках пик, мечтали Стамбул обратить в Константинополь, а нынче – плевать на всех... Кроме разве что братской Грузии... Кто же у нас есть, спросите. Ну... доморощенные либералы и государственники. Скорее, псевдо. Бедствие России – власть; не меньшее – оппозиция. Так что не считайте вы этих перелётных лебедей. Чужие здесь не ходят, при нашем-то избиркоме. У нас пока, – Эдуард сделал ударение на этом «пока», – губернаторские выборы, а не праймериз. Из возможных конкурентов вырисовывается только один, председатель облдумы Варяжников. Этот сукин сын может перебалмутить всю «Единую Россию». Так? Нам это нужно? Больше никого – пусто?

– Пожалуй, Варяжников номер один, – задумчиво согласился Садальский, – единоросс, амбициозный, при деньгах, авторитет.

– Вот его и замочим. Прямо на взлёте. Пока он нам не нагадил. Помните историю с генпрокурором?

– Со Скуратовым? – заинтересовался губернатор.

– А историю с баней? – продолжал Эдуард, не отвечая на вопрос губернатора. – Баня – это русское минное поле. Убойный заряд для любого тяжеловеса. А уж хлипенького Варяжникова с рейтингом меньше десяти процентов разнесёт в клочья. А ещё?

Губернатор Садальский, полужакрыв глаза, долго сидел в кресле. Наконец сказал неуверенно:

– Соловей. Харизматик. Играл одно время в драмтеатре Гамлета. Успех, поклонницы, цветы – он возгордился и запил. Улетел завклубом в Пятихатки, самый дальний район. Не успокоился. Перебалмутил народ, стал избираться в мэры. Прежний мэр, единоросс, как раз погорел на коррупции. Народ его ненавидел. А этот – артист, оратор. Фонтан идей, то ли мечтатель, то ли провокатор, народный заступник, популист, сумасшедший. Всего понемногу. Адская смесь. Обещал для фермеров открыть рынок, выгнать перекупщиков, ну, понятное дело, навести порядок, посадить взяточников. Снизить цены вдвое, создать кооперацию. Стандартный набор. Называл себя демократом-ленинцем, митинговый трибун. Хозяина рынка грозился убить, выгнать из Пятихаток кавказскую мафию. Люди наслушались его речей и подожгли рынок. Соловья заподозрили и посадили, подстрекателя и демагога. Вот тут и началось.

Демонстрации, митинги, воззвания, Интернет, пикеты у обл администрации. Национал-патриоты объявили его своим русским героем, борцом с кавказской мафией, пострадавшим за русское дело.

Эдуард напряжённо, не перебивая, слушал губернатора.

– Ну и...

– А дальше – конфуз. Обвиняли по двум статьям. За поджог рынка и разжигание межнациональной розни. Оскандалились... Поджог не доказали. Свалили на среднеазиатов, вроде бы им не заплатили. Те явились с повинной. Не сами, конечно, доброжелатели привели. Разжигание розни тоже невнятно. Решили спустить на тормозах. Вышел из зала суда народным героем. Эдакий Илья Муромец. ДПНИ носил его на руках. Потом утихли, что-то у них не сладилось.

– Однако разве суд не стоит у нас над законом? – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнёс Эдуард.

Губернатор понял с полуслова.

– Выборы прошли к тому времени, он нам больше был не опасен. К тому же – народ... Народ у нас только с виду пассивный и безразличный. Не дай бог, сорвётся с тормозов. Да и Соловей договорился с прокурорскими. Обещал быть паинькой, утихомирить страсти.

– Значит, гнётся? – заинтересовался Эдуард.

– Гнётся, да не ломается, – задумчиво произнёс губернатор, – неглупый мужик. Демагог. Ванька-встанька.

– И где он, этот ваш Соловей? Так и сидит в Пятихатках?

– Вернулся в областной театр. Ролей у него теперь много. Театр тихо прогорал. Сейчас публика ходит исключительно на Соловья. Харизматик. Прославленный. Вроде затих с политикой. Но чем чёрт не шутит. При демократии всё может быть... Даже Гитлер...

– Да, – усмехнулся Эдуард, – современный Гриша Добросклонов, народный заступник... или Робин Гуд. Очень опасный тип. Народ на таких падок. Не разыграть ли нам этого Нерона?

– Что? – не понял губернатор.

– Мысли вслух. Кстати, Геннадий Михайлович, ваш главный областной антисемит, бывший философ...

– Ерзиков? – уточнил Садальский.

– Ерзиков, точно. Всё пишет?

– Пишет.

– Однолюб, – усмехнулся Эдуард, – это такой бизнес у наших патриотов – евреи. Не пойдёт на выборы? Не опасаетесь?

Губернатор недовольно передёрнул плечами.

– На одних евреях в губернаторы не проедешь. – Садальский поставил на стол бокалы и налил в них коньяк. Молча, не чокаясь, выпили. Приятное тепло разлилось по всему телу.

– Я, Геннадий Михайлович, по убеждениям либерал, – с неожиданной доверительностью заговорил Эдуард, обняв губернатора за плечи, – только недолюбиваю наших либералов. За злостную дискредитацию идеи. Всё точно по Чаадаеву. Помните: «...Мы, можно сказать, некоторым образом – народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок...» Урок, естественно, отрицательный. Это о наших либералах.

Заметив недовольство на лице губернатора Садальского, снова налившего коньяк в бокалы, Эдуард резко сменил тему:

– Впрочем, вас это пусть не беспокоит. Вы – мой проект, а это больше, чем убеждения. Вам я предан, как Пигмалион Доротее.

Они выпили, помолчали и снова наполнили бокалы.

– Получается, что я для тебя Буратино, – опрокинув новый бокал, с пьяноватой обидой сказал губернатор.

– Скорее, крошка Цахес, – едва улыбнулся Эдуард.

События в области между тем шли своей чередой. В следующий же уикенд проходила демонстрация тружениц древнейшей профессии, собравшихся из многих городов необъятной страны. Мероприятие тружениц секса вызвало не меньший фурор, особенно среди молодёжи и мужской части населения, чем гей-парад на прошлой неделе. Снова в областной центр приезжали любознательные селяне и любопытствующие из соседних областей, опять лилось рекой пиво, бросали конфетти и раздавали презервативы. Все гостиницы и всё, что втридорога сдавалось в частном секторе, – всё было занято, рестораны заполнены, отовсюду доносились звуки оркестров, на всех улицах стрекотали камеры, бойко шла торговля. По случаю столь важного события торговцы устроили грандиозные распродажи. В музыке, вине и веселье рождалась третья столица России, город Свободы. Впрочем, как говорили остряки, не только столица свободы, но и секс-столица России.

Нужно отдать должное прагматизму и организованности ночных бабочек. Довольно быстро проведя демонстрацию и показав себя народу – ярко, но без излишеств, – они во главе с оргкомитетом, возглавляемым харизматичной и решительной, из бывших комсомолок, Мессалиной Андреевой, собрались на конференцию в областном театре по обмену профессиональным опытом и мониторингу соблюдения гендерных прав. Труженицы секса, надо сказать, проявили высокую пролетарскую сознательность. Уже через пару часов они объявили о создании Всероссийского профсоюза и женской партии Свободной любви и приняли соответствующие декларации.

– Первая ласточка, – радовались горожане, наслаждаясь бесплатным пивом и слушая трансляцию с конференции.

Штаб-квартиры профсоюза организованных тружениц и женской партии должны были разместиться в областном центре. Вот оно, рождение третьей столицы, начало экономического бума. Российский Лас-Вегас. Лиха беда начало. Все флаги в гости будут к нам. Тут же распространился кем-то пущенный слух, что на осуществление новых столичных функций Федеральный Центр обязался выделить крупные субвенции и что ночных бабочек крышуют очень высокие лица.

Правда, на сей раз не всё прошло гладко. Из-за многочисленных эксцессов даже пришлось вмешаться милиции. Началось с того, что некие религиозные граждане устроили пикет. Они развернули плакат: «На всякую Мессалину найдётся своя Агриппина⁵» – и стали собирать подписи за превращение города и области в зону, свободную от секса. Граждане, впрочем, простояли недолго. Явившаяся к ним самолично Мессалина потребовала:

– Если вы от имени господ Бога, давайте доверенность. А нет доверенности, улепётывайте... Святая Мария Магдалина, наша покровительница, грешила, а нам сам Бог велел.

Самозванные граждане под улюлюканье, крики и ругань ночных бабочек и их многочисленных горячих приверженцев поспешно ретировались, однако спокойствие наступило ненадолго. Совсем скоро на штурм театра пошли подвыпившие и разгорячённые молодые люди, среди которых, по данным милиции, оглашённым в тот же день Максимом Плотниковым, было немалое число сутенёров, встречно решивших утвердить собственный профсоюз. Несколько человек особенно буйных пришлось арестовать, остальных милиция оттеснила на площадь. Страсти всё ещё бушевали, когда в здание областного театра в сопровождении охраны вошёл через чёрный вход председатель областной думы Евгений Андреевич Варяжников. Отважный депутат лучился от радости. Он был в восторге не только от общества настоящих професси-

⁵ Мессалина – первая жена римского императора Клавдия, прославившаяся развратностью, была казнена по настоянию Агриппины, племянницы Клавдия, ставшей его второй женой. Агриппина – мать императора Нерона, известная тем, что отравила императора Клавдия, а позднее была отравлена по приказу Нерона.

аналок, но ещё и потому, что на сей раз ему удалось обойти губернатора. В то время когда осторожный Садальский притворялся любящим супругом и сидел якобы у одра заболевшей половины, председатель облсобрания, оказавшийся в роли догоняющего, смело пошёл ва-банк.

– У нас, депутатов, и у вас, мои обаятельные, много общего, – заявил честный депутат под бурные, продолжительные и искренние аплодисменты, переходящие в нескончаемую овацию. От этой овации и от призывных, обещающих улыбок, от бурно колыхавшегося бюста Мессалины, сидевшей рядом в президиуме, от её дурманящего запаха, от родства комсомольских душ, – версий в последующие дни было высказано множество, вплоть до приёма алкоголя, – председатель облсобрания окончательно потерял голову и принялся обещать: пылкой любви между партиями, сотрудничества на выборах, построить в областном центре квартал Красных фонарей, для чего главный депутат пообещал, бросив все дела, с ближайшими коллегами, не откладывая, для изучения опыта отправиться в Голландию, в город Амстердам, а членам только что созданного профсоюза всяческую поддержку и помощь в регистрации, социальную и прочую защиту при одном-единственном условии – честно платить налоги. Закончив речь, председатель облсобрания долго не покидал девушек – снимался с ними на память, особенно сразу с двумя – с Мессалиной Андреевой и ещё с одной, молоденькой, похожей на модель, победительницей тут же проведённого конкурса на самую красивую, дорогую и неотразимую. Впрочем, с конкурсом, как вскоре выяснилось из прессы, да и всё от того же всезнающего Максима Плотникова, не всё было чисто – господин Варяжников, возглавив жюри, пролоббировал свою протее, с которой уже давно был в связи. Писали даже, что ещё до её совершеннолетия.

Да, получилось так, что председатель облдумы Варяжников, развлекаясь с ночными бабочками и думая больше всего о рейтинге, по легкомыслию даже не догадывался, что вокруг него натянута сеть и расставлены папарацци. Бывший авторитетный предприниматель по прозвищу Варяг давно привык, что все его боятся, и не испытывал ни малейшего ощущения опасности.

Напротив, он раздувался от гордости, глядя, как его снимают, и высокомерно поглядывал на журналистов, в которых видел только службу. Если Варяг о чём и беспокоился, так только о том, как к его похождениям отнесётся жена, с которой у депутата давно шла тайная война. Впрочем, он знал, чем её усмирить – деньгами, драгоценностями и угрозами. Между тем как Варяг блаженствовал, ловушка захлопнулась. На следующий же вечер Максим Плотников, маэстро, как стали его называть, прямо на телеэкране превратился из вальяжного, самодовольного интеллектуала Киселёва в телекиллера Доренко и стал рассуждать о нравственности, об ответственности политиков перед электоратом и близкими, о том, что политик – не свободный человек, а раб на галерах, и заодно демонстрировать фотографии. Вот молодой восходящий политик Варяжников, в то время ещё Варяг, рядом с красавицей женой, вот они же перед выборами возлагают цветы у Вечного огня, а вот он же, Варяжников, главдепутат, среди немецких гомосексуалистов, полураздетый – сдаёт им Родину; ещё фото – в обнимку с лесбиянкой; затем он же, Варяг, – защитник однополых браков, тьфу, потом целая серия – с проститутками, особенно со знакомой нам Сонечкой Лилевиной, порнозвездой, победительницей конкурса «Мисс свободная любовь», с подробным рассказом о том, кто такая эта Сонечка, с кем из известных людей успела побывать в постели и в каких трудилась вип-борделях. Получалось, не просто двадцатидвухлетняя львица секса, но – почти наверняка шпионка, новоявленная Мата Хари, специально заброшенная в область под предлогом создания партии Свободной любви. В заключение, вернувшись к основному герою, Максим Плотников продемонстрировал, что в руках у него отнюдь не случайные фото – вот вам и ролик из бани, снятый варяжниковскими друзьями, где наш герой-депутат, играя фаллосом, обнимает сразу две обнажённые натуры с безразмерной силиконовой грудью. А вот и ещё – Варяг и законник Миша, по прозвищу Муравей, оба голенькие в бане, в окружении обнажённых девиц пьют

пиво. Занятно их развела судьба: Муравей, многим известный в области, ныне мотает срок, а Варяг заседает в парламенте.

Область, после многолетнего информационного воздержания посаженная на иглу плотниковских «Итогов», неотрывно смотрела в телевизор в состоянии чуть ли не сомнамбулическом: женщины, особенно пожилые, плевались, мужчины, не найдя других слов, матерились прямо при дамах. Теле-Люцифер, он же Кашпировский, он же Максим Плотников, вызвал в тихой провинции всеобщее помешательство.

Люди ещё не успели прийти в себя, всюду только и обсуждали «Итоги», сам герой пре- бывал в нокдауне и клялся разъярённой супруге, что всё это чистая ложь, геббельсовская пропаганда, как последовал новый удар. На сей раз это был журнал обладминистрации. Вообще-то журнальчик слыл вполне бездарным и выходил обычно тиражом не больше ста экземпляров. Его просматривали только высшие чиновники и аффилированные с администрацией местные олигархи. В городе журнал так и называли – для олигархов, сразу по двум причинам. Во-первых, он стоил очень дорого и в бедной области доступен был только крутым бизнесменам и важным чиновникам, получавшим его бесплатно. Во-вторых, в журнале обладминистрацией объявлялись разные конкурсы, исключительно для своих. Непосвящённым и неприближённым даже достать это чтиво было невозможно. Однако на сей раз журнал обладминистрации издан был огромным тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров и распространялся бесплатно: толстые стопки сверкающего глянец издания, отпечатанного в Финляндии, лежали в парикмахерских, на рынках, в магазинах; модный глянец раздавали даже в автобусах. В специздании обладминистрации были опубликованы известные по «Итогам» и совсем новые фотографии – спикер Варяжников с Сонечкой Лилевиной в костюмах Адама и Евы. Тут же, в журнале-бестселлере, помещены были фотографии банные – крепко подвыпивший Варяжников в развесёлой компании нудистов с девочками. Не меньше поразило провинциалов и то, что рядом с фотографиями приложена была справка из некоей криминалистической лаборатории антитеррора о том, что все фотографии подлинные, без признаков монтажа. По всем законам государственная лаборатория не имела права производить подобную экспертизу и публиковать её данные, но факты упрямая вещь – заключение было. Сага о бане распространялась по области как лесной пожар; журнал обладминистрации переходил из рук в руки. Вскоре те же фотографии появились в Интернете с весьма фривольными и вместе весёлыми комментариями. Продвинутый народ откровенно оттягивался. Студенты и школьники издевались над спикером на форуме. Некоторые, постарше, правда, заговорили, что вот, мол, вам и демократия, снова наступили на прежние грабли, вернулись в лихие девяностые. Не лучше ли нынешняя блаженная тишина?

Все ждали, что скажет прокуратура. Но, как всегда, прокуратура поначалу пыталась отсидеться, потом отступила и возбудила уголовное дело – то ли по поводу распространения порнографии, то ли по случаю вмешательства в частную жизнь. Расследование, однако, не заладилось, дело вскоре заглохло.

В том же номере журнала обладминистрации, где несколько разворотов были посвящены амурам председателя заксобрания, была опубликована статья ранее малоизвестного доцента – экономиста Маликова, принесшая автору громкую известность. Доцент политехнического университета, а по совместительству ещё и новоиспечённый экономический советник губернатора, исследовал в горячем режиме влияние свободы и демократии, то есть только что начатого эксперимента, на экономику области. Местный Илларионов продемонстрировал поразительные результаты: между индексом ожидания свободы (ИОС) и экономическим ростом в области отмечалась прямая корреляция. Так, цены на недвижимость в областном центре выросли за месяц на восемь процентов, то есть, заключал доцент, каждый горожанин стал на восемь процентов богаче – и это в то самое время, когда в Москве и в других центрах, поражённых то ли кризисом, то ли посткризисной депрессией, цены на недвижимость уныло топта-

лись на одном месте, а кое-где даже снизились на два-три процента. Поразительные результаты продемонстрировали туризм – почти тысяча процентов роста, – общественное питание, гостиничные и секс-услуги (последние, к сожалению, из-за пробелов в законодательстве ушли в тень), немалый прирост обозначился по продажам продовольствия и отдельных категорий аптечных товаров, по транспорту, строительству и особенно в пивоварении и торговле. Обнаружились также существенное снижение безработицы и, напротив, уверенный рост индексов потребительского оптимизма и ожиданий производителей. Ко всему, существенно возросло число людей, желающих жить или переехать в областной центр и, соответственно, уменьшилось число тех, кто хотел бы уехать. Причём, впервые за всё время наблюдений, число москвичей, стремящихся переехать в областной центр, в зону Свободы, достоверно превысило число провинциалов, жаждущих перебраться в Москву. Продолжая анализировать, доцент Маликов обнаружил положительную корреляцию между ростом ИОС (индекса ожидания свободы) и рейтингом губернатора Сададьского. Последний впервые за многие годы превысил пятьдесят процентов и обнаруживал тенденцию к вертикальному росту. Вместе с рейтингом губернатора рос и рейтинг правящей партии, правда, с серьёзным отставанием, зато рейтинг коммунистов рушился. Как и положено серьёзному учёному, доцент Маликов из изложенного делал строгие выводы: необходимо и дальше развивать эксперимент и строить зону политической свободы (ЗПС), причём сильный экономический эффект ЗПС на развитие области связан с её уникальностью. Наличие нескольких ЗПС в России привело бы к размыванию эффекта в каждой из этих зон, хотя и усилило бы, скорее всего, общероссийский. Далее, утверждал доцент, необходимо ввести в ЗПС регулярный режим проведения митингов, демонстраций и других массовых мероприятий как общероссийского, так и международного масштаба. Например, отчего бы не проводить в областном центре совершенно безопасные митинги белорусской, грузинской, киргизской и всякой другой оппозиции, получая заслуженную ренту. И ещё, доказывал доцент Маликов, проведя сравнительный анализ по целому ряду экономических показателей: ЗПС оказывает значительно больший прогрессивный эффект на развитие территорий, чем соответствующие пенитенциарные зоны или учреждения, даже градообразующие, или СЭЗ (свободные экономические зоны). К тому же, утверждал доцент, в отличие от СЭЗ, обладающих сильным коррупциогенным эффектом, ЗПС, через известные демократические механизмы, должна оказывать антикоррупционное действие. И наконец, убеждал читателей местный мыслитель, свобода – это такой же товар, как нефть и газ и может быть источником постоянной прибыли, следовательно, нужно развивать индустрию демократии. Благодаря ЗПС у области есть все шансы за счёт развития рынков жилья, аренды и сферы услуг, в том числе политических и сексуальных, обогнать Тюменскую область. Он так и закончил свою программную статью лозунгом: «Догоним и перегоним Тюменскую область!»

Жить стало лучше, жить стало веселей. Казалось бы, согретые солнцем наступающей свободы и демократии, все должны были быть довольны и счастливы, ведь свобода – вещь самоценная. Однако вместо этого у эксперимента обнаружились противники. Что особенно странно – молодёжь. Впрочем, кто были истинные противники эксперимента, так и осталось неизвестно. А было вот что. В один из дней к Белому дому стали подъезжать автобусы, из автобусов выскакивали юнцы, как быстро выяснилось, старшеклассники и студенты областных вузов, разворачивали транспаранты и выстраивались рядами – всё было очень чётко, профессионально организовано: и решительные комиссары в кожанках, и машины с горячим питанием; даже видно было из окон администрации, как в тут же развёрнутой палатке бригадирам от каждой группы отсчитывали купюры и они расписывались в ведомости. Губернатор Сададьский, застигнутый врасплох – он ничего не знал о грядущем мероприятии, – подумал было, что это Эдуард организовал волеизъявление студенческих масс, чтобы окончательно запугать неведомого противника; плакаты, однако, говорили об обратном. «Не хотим избирать губер-

натора!», «Доверяем президенту!», «За демократию без выборов!», «Свободе – да, выборам – нет!», «Вертикали – да, эксперименту – нет!» – кричали удивительные транспаранты. Молодой человек в кожанке, как оказалось, генеральный комиссар только вчера зарегистрированного Молодёжного фронта «Свои», между тем взобрался на в минуту собранную модульную трибуну. Он поднял руку в римском приветствии, украденном некогда нацистами, и прокричал: «Выборам – нет!» «Выборам – нет!» – понеслось по площади. «Губернаторов – назначать!» – снова выкрикнул вожак. Колонны ещё громче, чем в прошлый раз, повторили за ним. «За сильную вертикаль!» – неистовствовал комиссар и вслед за ним молодые фронтовики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.